

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

**Комаров В.М., Акимова В.В., Москвитина Н.А.,
Волошинская А.А.**

**Методики регионального стратегического
планирования в России и зарубежных странах:
прошлое, настоящее, будущее**

Москва 2020

Аннотация. В работе показано, что теоретические концепции, лежащие в основе методик стратегирования в России и за рубежом существенно различаются. В России методологический подход к разработке стратегий основывается на повышении конкурентоспособности территории и направлен на обеспечение экономического роста, за рубежом — на приоритетности роста качества жизни населения и обеспечения устойчивого развития в долгосрочной перспективе. Авторами предложены рекомендации для развития института стратегического планирования в России

Abstract. It is shown that the theoretical concepts that underlie the methods of strategy development in Russia and abroad differ significantly. In Russia, the methodological approach to the development of strategies is based on increasing the competitiveness of the territory and is aimed at ensuring economic growth, in foreign countries — on the priority of increasing the quality of life and ensuring sustainable development in the long term. The paper proposes recommendations as to how the process of strategic planning in Russia and its end result might be improved.

Комаров В.М., директор Центра стратегий регионального развития ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Акимова В.В., научный сотрудник Центра стратегий регионального развития ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Москвитина Н.А., научный сотрудник Центра стратегий регионального развития ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Волошинская А.А., старший научный сотрудник Центра стратегий регионального развития ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2019 год

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	4
1. ПОНЯТИЕ И ВИДЫ СТРАТЕГИИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ.....	5
2. ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ К РЕГИОНАЛЬНОМУ СТРАТЕГИЧЕСКОМУ ПЛАНИРОВАНИЮ.....	11
2.1. Традиционные теоретические подходы.....	21
2.2. Понятие пространства в различных подходах к стратегическому планированию.....	24
2.3. Новые подходы.....	36
3. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИЗУЧЕННЫХ МЕТОДИК СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ.....	48
4. СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПРАКТИЧЕСКИХ РЕКОМЕНДАЦИЙ ДЛЯ ОБОСНОВАНИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА В ОБЛАСТИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В РОССИИ.....	57
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	64
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	66

Введение

Разработка документов стратегического планирования на национальном, региональном и муниципальном уровне должна быть основана на определенном научно-обоснованном методологическом подходе. Однако в настоящее время в мировой практике стратегического планирования развития территорий нет единой научной школы, которая бы занимала доминирующее положение или бы имела решающее влияние на процесс разработки стратегий. Зачастую каждая научная школа использует собственную методологию, перенося опыт разработки стратегий фирм и предприятий на региональный уровень, что не только сказывается на качестве стратегий, но и не позволяет учесть общественные интересы.

Предполагалось, что методические рекомендации Минэкономразвития России позволят заполнить данный концептуальный вакуум, однако их принятие не оказало ощутимого воздействия на качество разрабатываемых стратегий. Мировой опыт показывает, что теоретические концепции, лежащие в основе методик стратегирования, существенно различаются, прежде всего, с точки зрения определения базовых понятий и предпосылок. Примерами могут выступать школы, основывающиеся на повышении конкурентоспособности территории и направленные на обеспечение экономического роста, и школы, основывающиеся на приоритетности роста качества жизни населения и обеспечения устойчивого развития в долгосрочной перспективе.

В работе рассмотрены методологические принципы и исходные предпосылки утвержденных документов стратегического планирования на разных уровнях (прежде всего - на уровне регионов) для России и ведущих стран мира. Полученные выводы позволяют сопоставить существующие сегодня методики стратегирования в России и за рубежом и предложить рекомендации по оптимизации методики реализации национальных стратегических целей Российской Федерации до 2024 года, сформированных в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

1. Понятие и виды стратегии в России и за рубежом

С точки зрения подходов к пониманию, что есть «стратегия», выделяются три типа:

- стратегия как план или система мероприятий;
- стратегия как документ;
- стратегия как видение, направления развития.

Эффективная стратегия представляет собой синтез всех трёх подходов.

Документы стратегического планирования в первую очередь различаются по географическому масштабу: национальные, региональные, муниципальные, включая городские.

По объекту стратегии делятся на отраслевые (устойчивый транспорт, развитие ЖКХ, энергетики и т.д.) и комплексные (социально-экономического развития, пространственные и т.д.).

По основной направленности стратегии подразделяются на стратегии социально-экономического развития (всеохватывающие, многоаспектные), устойчивого развития (наиболее популярные за рубежом на нынешнем этапе, в основе имеющие принципы и подходы в рамках концепции устойчивого развития), пространственного развития (развитие территории в пространственном плане).

Стратегии пространственного развития относятся к системе территориального планирования. В основе такие стратегии имеют понимание трёхмерности пространства. Стратегия пространственного развития в целом — это некая последовательность и направленность освоения пространства, выбор приоритетных направлений развития территориально-экономических систем, установление соотношения урбанизированных и природных территорий, обеспечивающего их устойчивое развитие¹. Стратегию пространственного развития можно рассматривать как общий план развития территориального выраженного объекта (субъекта РФ, муниципального района, города, городской агломерации, сельских поселений), которые представлен в виде определенного документа стратегического планирования, в рамках которого устанавливаются приоритеты, цели, общие направления, масштабы и ограничения пространственного развития на долгосрочную перспективу. По сути, это основа для

1 Лебединская Г.А., О месте стратегии пространственного развития в системе территориального планирования Российской Федерации, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-meste-strategii-prostranstvennogo-razvitiya-v-sisteme-territorialnogo-planirovaniya-rossiyskoy-federatsii>

разработки плана мероприятий стратегий социально-экономического развития и программы её реализации.

Стратегия социально-экономического развития определяет приоритетные направления, стратегические цели, основные задачи и ключевые мероприятия долгосрочного развития региона, муниципального образования. Реализация Стратегии осуществляется путем разработки Плана мероприятий, а положения Стратегии детализируются в государственных программах субъекта и муниципальных программах.

О стратегиях устойчивого развития будет сказано позднее.

По доминирующим исходным предпосылкам стратегии бывают: экономико-географические, институциональные, устойчивого развития и эколого-ориентированные, многоаспектные.

По типам разработки: «народные», ведомственные.

По публичной представленности: документы, дашборды, буклеты.

Рамками для стратегирования являются:

- процессные (управленческие) (PEMANDU, вовлечение участников, деловые игры и т.д.);
- нормативно-правовые (Методологические рекомендации по разработке стратегий, Градостроительный кодекс);
- руководства и рекомендации («Полные улицы»);
- теоретические подходы в рамках экономической теории и экономической географии;
- неортодоксальные междисциплинарные научные школы (эволюционная экономика, экологическая экономика, экономика счастья и т.д.);
- ценностные подходы (устойчивое развитие, человеко-ориентированные).

Таким образом, в системе планирования и прогнозирования регионального развития в разных странах выделяется два вида документов:

- собственно документы стратегического планирования (комплексные, отраслевые, межотраслевые документы регионального и субрегионального развития);
- документы территориального (пространственного планирования) на региональном и субрегиональном уровне.

В Российской Федерации система документов стратегического планирования регионального развития официально утверждена в рамках Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», однако этот закон не ограничивает регионы и муниципалитеты в разработке в дополнение к документам, являющимся федеральным требованием, собственных документов, отличающихся от общенациональных стандартов.

Федеральное правительство определило следующий необходимый перечень документов стратегического планирования, обязательный для разработки на региональном и муниципальном уровне:

- стратегия социально-экономического развития региона и муниципалитета, а также план мероприятий по реализации таких стратегий. В РФ по состоянию на конец 2019 года разработано 83 стратегии социально-экономического развития регионов (отсутствуют стратегии в Москве и Тульской области), из них в 2018 году принято 11 новых стратегий, в 2019 году – 8 новых стратегий.
- прогноз социально-экономического развития региона и муниципалитета на среднесрочный (только для муниципалитета) и долгосрочный периоды (оценка рисков социально-экономического развития и оцифровка возможных сценариев развития с учетом данных рисков);
- бюджетный прогноз региона и муниципалитета на долгосрочный период (финансовые механизмы и инструменты достижения поставленных в верхнеуровневых документах целей и задач);
- государственные программы региона и программы муниципалитета (фактическое распределение бюджетных средств на реализацию стратегических целей и задач).

Типы документов территориального (пространственного) планирования включают:

- схема территориального планирования для региона и муниципального района;
- генеральный план для городского округа и поселения.

Территориальное (пространственное) планирование в РФ основывается на установлении взаимосвязи между объектами капитального строительства – зданиями, инженерными сетями – и окружающей их средой.

Также к обязательной для разработки в регионах относится инвестиционная стратегия региона (документ межотраслевого планирования, направленный на

обеспечение условий для стабильного притока инвестиций в экономику региона), требования к которой установлены Региональным инвестиционным стандартом АНО «Агентство стратегических инициатив».

Помимо указанных документов стратегического планирования крайне популярными, и при этом необязательными для разработки в регионах, являются отраслевые стратегии (к примеру, Стратегия развития культуры в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре до 2030 года, Стратегия промышленного и инновационного развития Свердловской области на период до 2035 года).

Для монопрофильных муниципальных образований существует особый тип документов – комплексные инвестиционные планы развития, направленные на диверсификацию экономики.

Что касается международной практики, в ЕС для регионов в основном разрабатываются стратегии устойчивого развития – по сравнению со стратегиями социально-экономического развития, популярными в РФ, за корневую основу стратегического планирования берутся принципы устойчивого развития (бережливое производство, безотходное потребление, сохранение биоразнообразия, экологизация транспорта и др.), с учетом которых должна развиваться экономика и социальная сфера.

На субрегиональном уровне также принимаются локальные планы устойчивого развития в продолжение региональных стратегий устойчивого развития (часто они носят название Local Agenda 21), которые в основном затрагивают только экологические аспекты деятельности без привязки к экономике и социальной сфере.

Основопологающим документом для разработки стратегий устойчивого развития является обновленная в 2015 году «Повестка дня для устойчивого развития до 2030 года»², где были четко сформулированы 17 основных целей устойчивого развития (позже получивших название «глобальные цели»).

Отметим отдельно тот факт, что в «Повестке дня для устойчивого развития до 2030 года» признается необходимость устойчивого развития не только на национальном уровне, но также и на региональном и субрегиональном уровнях. При этом политика устойчивого развития на разных уровнях государственного управления должна быть взаимосвязана и взаимоувязана.

Сформулированные семнадцать «глобальных целей» в дальнейшем действительно легли в основу стратегий национального устойчивого развития многих развитых и развивающихся стран мира. Шесть из 17 глобальных целей посвящены защите окружающей среды и решению проблемы истощения ресурсов (№№ 6, 7, 11

² Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development, adopted at the United Nations Sustainable Development Summit on 25 September 2015.

(отчасти), 12-15), три цели — обеспечению фундаментальных прав человека и поддержке его работоспособности (3,4 и 5), по две цели посвящены проблемам выживания (№№1 и 2), экономическому росту и инновациям (№№8 и 9) и развитию городов и территорий (№№10 и 11). Последние 2 цели связаны с демократизацией, созданием эффективной правоохранительной системы и международному сотрудничеству.

Помимо стратегий устойчивого развития в ЕС большое внимание уделяется территориальному планированию – к примеру, в Германии на уровне земель разрабатываются планы регионального развития, на уровне муниципальных образований планы землеустройства и землепользования.

На субрегиональном уровне (особенно для городов) в развитых странах принято разрабатывать «мастер-планы» (master plan), которые начали активно появляться в зарубежной практике с середины 2000-х гг. Мастер-планы имеют сходство со схемами территориального развития и генеральными планами, но выходят за их пределы – помимо элементов пространственного планирования они содержат подходы и ориентиры в отношении социально-экономического развития и ставят целью детальное описание образа будущего территории с учетом влияния максимального набора факторов развития.

Отдельное внимание стоит уделить межрегиональным стратегиям развития, такие стратегии принимаются для развития отдельных географических областей, которые могут формально выходить за пределы классической схемы АТД. К примеру, инициативы «Северный путь», «Мидлендский путь» в Великобритании, ставшая уже классическим примером – стратегия развития долины реки Теннесси (оператор – Администрации долины реки Теннесси), для РФ – это Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и государственные программы по развитию особых территорий – Дальнего Востока, Северного Кавказа.

В целом в странах мира существует большое разнообразие документов стратегического планирования, в основе которого лежат различия в моделях управления внутри стран – степень централизации и децентрализации полномочий, национальная политика, утвержденные форматы и рамки работы в рамках построения системы стратегического планирования, а также цели и траектории развития конкретных территорий.

Резюмируя, за последние несколько лет произошел пересмотр подхода к пониманию устойчивого развития:

- переход от реактивного реагирования на проблемы (снижение смертности, защита окружающей среды) к проактивному подходу (профилактика

здорового образа жизни, доступность спорта для всех, рациональное производство и потребление, зеленая энергетика и т.д.);

- большой акцент на создании институтов устойчивого развития, создание эффективной системы государственного управления, справедливой судебной системы;
- учет человеческого фактора — гарантии прав человека, вовлечение в принятие решений и их реализацию широкого круга заинтересованных сторон;
- акцент на экономическом развитии и инновациях;
- акцент на проблеме исчерпания ресурсов и защите окружающей среды;
- все более детальная проработка целей устойчивого развития.

2. Эволюция подходов к региональному стратегическому планированию

Термин «стратегическое планирование» связан с усилением экономического кризиса, развитием конкуренции между странами в конце шестидесятых годов XX века. Стратегическое планирование как понятие заимствовано экономистами у военных. Слово «стратегия» имеет греческие корни – от греческого *strategos*, «искусство генерала».

«Стратегическое планирование — это принципиальный инструмент, посредством которого политическое лидерство достигается путем сочетания политики и военных реалий, используемый также для управления военными операциями» [Matloff, Shell, 1980].

Данный термин стал применяться в экономических исследованиях в целях осуществления процесса планирования не только на уровнях как высшего, так и текущего руководства. На начальном этапе появления термин «стратегическое планирование» являлось по своей сути планирование долгосрочного развития, при осуществлении которого использовали экстраполяцию, где характеристики текущего развития объекта планирования переносились на будущие периоды.

Такой подход можно применять только в условиях стабильного экономического роста. Но в 60-е и 70-е годы XX века ситуация в мировой экономике изменилась, внешняя деловая окружающая среда приобрела нестабильный характер, и методы экстраполяции перестали удовлетворять потребностям. Это привело к появлению новых подходов организации долгосрочного планирования, в основе которых - программно-целевые методы. Здесь ресурсы — это средство достижения цели, а сам план состоит из совокупности альтернативных вариантов изменения внешней среды (вариантивность). Данное направление получило термин «стратегическое планирование». В теории стратегического планирования образовался ряд школ, которые будут описаны ниже.

До 1970-х годов стратегическое планирование было ориентировано на сравнительные преимущества на пути к достижению наименьшей цены на рабочую силу, материалы, инфраструктуру и другие элементы себестоимости продукции относительно конкурентов на внутреннем и международном рынках. После работ Портера на тему конкурентных преимуществ стран стратегии регионального развития стали также концентрироваться на конкурентных преимуществах. С 1990-х годов стратегии регионального развития имели тенденцию к использованию совместных

преимуществ с большим элементом сотрудничества и партнерства, интеграции многих региональных заинтересованных сторон. На рисунке представлены некоторые характеристики стратегий в рамках идеи сравнительного, конкурентного и совместного преимущества.

В 1960-х годах региональное планирование было сосредоточено на целях и задачах для достижения стратегических результатов. Правительства играли важную роль в постановке целей и задач для региональных планов экономического развития, также ожидалось участие и поддержка со стороны отраслей. Эта цель и задачи планирования были предназначены для определения направления и конечных результатов экономического развития. роль регионов в достижении национальных целей и задач стала весьма заметной, но автономия регионов для формирования экономического будущего все еще в значительной степени определяется экономической политикой центрального правительства, правительства страны или штата. Цели и задачи были определены с помощью различных аналитических подходов и экономические представления были в значительной степени основаны на подходе к будущему как к продолжению, континууму прошлого.

К середине 1970-х годов стратегическое планирование в бизнесе начало оказывать влияние на планирование в других секторах экономики, в том числе и на региональное планирование развития. Стратегическое планирование включало подготовку целей и задач, дорожных карт для организаций, предприятий и регионов, чтобы получить выгодное положение в контексте среды, в которой они работают. В большинстве случаев эти среды все еще считались относительно стабильным, так как последствия глобализации и открытия национальных и региональных экономик для конкуренции еще не ощущались. Тем не менее, стратегическое планирование продолжало предоставлять ценный инструмент для экономического развития и после того, как последствия глобализации стали более заметными. Стратегическое планирование начало развиваться в конце 1980-х годов для решения более широких социальных и экологических проблем.

Растущая забота об окружающей среде, социальных проблемах и экономической устойчивости привела к появлению комплексного стратегического планирования в 1990-х годах. В конце 1990-х годов акцент на интегрированном стратегическом планировании экономического развития привел к возобновлению интереса к отраслевым кластерам и роли мягкой инфраструктуры и инновационных систем в процессах экономического развития. Отраслевой кластер, мягкая инфраструктура и развитие инновационных систем зависит от многосекторного вклада, который мог бы

лучше всего управляться в рамках интегрированной системы планирования (Stimpson et al., 2006).

Через региональную интеграцию различных секторов, сотрудничество и взаимодействие между основными заинтересованными сторонами создаются условия для генерации инновационных идей и повышения эффективности использования доступных ресурсов. Сотрудничество делает возможным реализацию результатов и дорожных карт, которые не будут достигнуты за счет только административного управления. В этом контексте комплексное стратегическое планирование регионального развития (IRDSP) считается адекватным ответом и существенным дополнением к формальному и иерархически выстроенному способу стратегического планирования. Необходимость в интеграции различных секторов и вовлечение заинтересованных сторон в процесс планирования регионального развития очевидна во всех европейских странах, и даже на уровне коммун и отдельных сообществ.

Таким образом, если раньше ключевыми факторами развития региона служили его существующие конкурентные преимущества (природно-климатические ресурсы, производственные затраты, наличие рабочей силы и ее стоимость, полезные ископаемые, сложившаяся специализация и т.п.), то сегодня на первое место выходят возможности региона к созданию новых продуктов и услуг, а также к развитию - в том числе к созданию инновационной среды и развитию сети кластеров.

Соответственно, цели политики меняются: если раньше делался упор на создание рабочих мест и привлечение инвестиций, то теперь на первое место выходит повышение конкурентоспособности региона, создание институциональных условий для развития инноваций и предпринимательства. От реактивного подхода, заключающегося в решении наиболее острых проблем, осуществляется переход к проактивной парадигме развития, целенаправленному движению к целевому состоянию и т.п.

Таблица 1 – Сравнение классических и современных подходов к региональному стратегированию

Критерий	Классические подходы	Современные подходы
Концептуальное обоснование	Теории размещения промышленного производства. Ключевыми факторами являются региональные особенности, например, производственные затраты, доступность рабочей силы	Теории обучающихся регионов. Ключевыми факторами являются региональные возможности, например, инновационная среда, кластеры, сети

Характеристики стратегии		
Цель (-и)	Равенство ИЛИ эффективности	Равенство И эффективности
Задачи	Создание рабочих мест, рост объема инвестиций	Увеличение конкурентоспособности (например, предпринимательство, инновации, новые квалификации)
Сфера применения	Узкая (экономическая / производственная)	Широкая (мультисекторная)
Тип применения	Реакционный, основанный на реализации отдельных проектах	Проактивный, запланированный, стратегический
Структура стратегии		
Пространствен ный фокус	Проблемные регионы	Все регионы
Аналитическая база	Специальные индикаторы Региональный экспорт	Региональный SWOT анализ
Ключевые инструменты	Схемы стимулирования	Программы развития
Внешняя помощь	Бизнес и жесткая (физическая) инфраструктура: транспорт, электрические сети, связь, необходимые для функционирования современной промышленности	Бизнес окружение и мягкая (софт) инфраструктура: финансовая система, система образования, здравоохранение, система управления и правоохранительные органы, аварийные службы.
Организация		
Разработка стратегии	Сверху-вниз (централизованно)	Коллективно / договорная
Ключевой актор	Центральное правительство	Региональные власти
Партнеры	нет	Местное правительство, общественность, социальные партнеры
Администриро вание	Простая / рациональная вертикальная система управления	Сложная / бюрократическая многоуровневая система управления
Выбор проекта	Сверху, централизованно	На основе участия всех заинтересованных лиц
Временная шкала	Без ограничений	Многолетние периоды планирования

Оценка реализации		
Этапы	постфактум	Постфактум, временные интервалы
Результаты	Измеримы	Трудно измеримы

Примечание – Источник: составлено авторами по J. Bachtler and D.Yuill Policies and strategies for regional development: a shift in paradigm, 2001

В сфере стратегического планирования сложились следующие научные школы:

Школа дизайна представлена такими экономистами, как Ф. Селзник, А.Д. Чандлер, С.Р. Кристенсен, М. Портер, К. Эндрюс. Согласно представителям данной школы, «стратегия есть результат сознательного и тщательного мыслительного процесса» [Минцберг, Альстрэнд, Лэмпел, 2002]. Для разработки стратегии должны быть четко определены цели и задачи – для чего проводится SWOT-анализ (где S – сильные стороны организации, W – слабые стороны, O – возможности организации, T – угрозы развития организации), разрабатываются стратегические альтернативы, которые оцениваются высшим руководством компании и выбираются лучшие варианты из предложенных стратегий. Значительная роль здесь отводится высшему руководству компании, которое выполняет не только контролирующие функции, но и непосредственно отвечает за разработку стратегии. В этой модели стратегии конечный продукт обладает свойствами уникальности для конкретной организации. Г. Минцберг в работе «Школы стратегий» отмечает, что данный подход к разработке стратегий возможен только в условиях простых систем.

Школа планирования представлена такими экономистами, как И. Ансофф, Р. Акофф, Д. Стейнер и др. Представители данной школы считают, что формирование стратегии – это неотъемлемая составляющая процесса планирования, который должен быть четко формализован, то есть каждый этап планирования конкретизирован и подтвержден аналитическими материалами по рассматриваемым вопросам.

Разработкой стратегического плана должны заниматься плановые службы фирмы, а на высшем уровне выполняться только контролирующие функции.

Школа позиционирования представлена М. Портером, Р. Кац, В. Джеймсом, они утверждают, что каждой отрасли экономики и социальной сферы существует свой ограниченный набор стратегий и рассматривают формирование стратегии в качестве аналитического процесса. Учитывая данное, стратегия является в большей степени результатом аналитических расчетов и зависит от позиции объекта планирования по отношению к остальным участникам высшей среды. М.Портер замечает, что важно выбирать стратегии, подходящие для данного конкретного объекта стратегического

планирования. Г. Минцберг указывает на то, что данный подход может быть успешно использован только в традиционных, зрелых отраслях, ввиду накопленного объема информации об их развитии.

Школу предпринимательства при разработке теории стратегического планирования представляют П. Друкер, К. Найт, Й. Шумпетер. По их мнению, разработка стратегии — это ментальный процесс высшего руководителя организации на основе его стратегического видения. Школа предпринимательства относится к типу школ, называемых описательными. В основе процесса разработки стратегии — предпочтения предпринимателя и анализ прошлого опыта.

Эта школа привнесла элементы упреждающего характера и определила важную роль лидера в стратегическом менеджменте.

Последователи идей когнитивной (познавательной) школы (Г. Саймон, Р.К., Регер, М. Лайкс и др.) видят разработку стратегии как ментальный процесс, что позволяет рассматривать стратегию как продукт либо индивидуального, либо коллективного человеческого разума. Учитывая это, последователи когнитивной школы настаивают на необходимости проникновения в процессы обработки информации, мыслительные способности стратега. Школа акцентирует внимание именно на первоначальной стадии разработки стратегии, ее понимании и осмыслении. Сторонники когнитивной школы основываются в том числе на разработках психологов, и, прежде всего, — Карла Юнга с его типологией личности.

Формирование стратегии с точки зрения представителей школы обучения (Г. Минцберг, С. Уинтер, Г. Рэпп, Дж. Куини) представляет собой развивающийся и последовательный процесс, что является по своей сути эволюционным путём. Что означает: «стратегия развивается по мере того, как внутреннее решение и внешние события соединяются, чтобы создать консенсус среди высшего руководства» [Минцберг, Альстрэнд, Лэмпел, 2002].

Учитывая это, стратегии могут разрабатываться и внедряться одновременно. Одной из принципиальных и отличительных черт школы обучения является тот факт, что менеджеры верхнего уровня не всегда обладают «высшим знанием», поэтому могут возникать частные стратегические инициативы, которые через менеджеров среднего звена доводятся до высшего руководства. Школа обучения развивает идеи по формированию стратегий, базируясь на внутренних компетенциях компании и предлагает развивать способности людей, работающих в организации, генерировать нужные идеи и вырабатывать правильные решения.

Другая школа – школа власти или «силовая» школа, которая представлена А. Макмилланом, Д. Боуэром, Э. Петтигрю. Все представленные выше школы не рассматривали влияние органов власти и формирование политики, фокусируясь только на развитии таких сфер, как экономика, психология, информатика. Идеологически в данной школе считается, что разработка стратегии является процессом ведения переговоров, а политика – это часть стратегического процесса. При этом выделяются два ответвления школы власти, отражают отношение к государственной экономической и социальной политике. Первое направление - микроуровень, где сама внутренняя политика появляется в том случае, если влиятельные акторы применяют различные политические средства с целью достижения своих целей. Второе заключается в том, что фирмы связаны с государственной политикой по отдельной отраслевой стратегии, в случае если они используют политическое влияние на другие акторы с целью достижения обозначенных целей.

Школа культуры фокусируется на развитии внутреннего согласия и организационной культуры в организации, которые могут способствовать прогрессу. Стратегия реализуется, если культура является функциональной с точки зрения рынка и наоборот, если последняя является несоответствующей. Представители школы культуры, а именно, Д. Спендор, Ф. Ригер, Д. Джонсон и др. - представляют процесс разработки стратегии как коллективный процесс. Они считают, что культура, история, традиции в том или ином месте формируют ожидания, влияющие на общественное поведение, а оно в свою очередь приводит к формированию определенной совокупности взглядов, и таким образом перечисленные аспекты влияют на сам процесс формирования той или иной стратегии. Культура выступает связующим звеном, объединяющим всех сотрудников организации в единое целое.

По мнению представителей школы окружающей среды (Д. Фримен, У. Этли, К. Оливер) стратегию определяют внешние факторы. В этой связи в рамках школы окружающей среды самой фирме отводится пассивная роль, заключающаяся в реакции на происходящие во внешней среде изменения. Более того, последователи школы считают, что в ряде случаев окружающая среда накладывает определенные ограничения на стратегический выбор, а также может лишить его. В целом, школа выводит на первое место рыночную среду и перманентно подстраивает стратегию под ее требования.

Следующая школа, школа конфигурации (структурная школа) рассматривает формирование стратегии как процесс трансформации. Идеи структурной школы воплощены в исследованиях П. Хандавалла, Д. Миллера, П. Фридена, К. Сноу, В. Майлса. Ученые считали, что основными ключевыми событиями процесса

стратегического планирования являются – перспектива, анализ истории развития объекта планирования и его трансформации. Устойчивые структуры фирмы и внешние факторы представители данной школы рассматривают как конфигурации, а процесс разработки стратегии – как трансформацию.

Все это говорит о том, что различные варианты разработки стратегии будут зависеть от исторических этапов жизненного цикла (эволюции) объекта планирования (рост, перемены, стабильность), а также от типа и форм организации.

Представленные подходы к разработке стратегических планов, претерпевшие модернизацию, позволяют выделить современные школы стратегического планирования, подходы которых используются специалистами в региональном стратегическом планировании [Готина, Алексеев, 2016]:

1. Институциональная школа базируется на оценки влияния различных институтов (социально-экономических, правовых, как формальных, так и неформальных) на сам процесс разработки стратегий, а также их реализацию. Стратегии должны включать не только цели, задачи, стратегические приоритеты, а также инструменты управленческой политики, но и «встроенные» механизмы их реализации.

2. Интеграционная школа предполагает рассмотрение взаимодействия объектов и субъектов планирования. Основные подходы школы связаны с развитием в конце 20 и начале 21 веков процессов интеграции не только на межстрановом, межрегиональном и межмуниципальном уровнях, но и в реальной экономической жизни агентов на местах. Эти процессы находят свое отражение в политике кластеризации, которые должны учитываться в процессе стратегического планирования.

3. Информационная школа ставит в основу разработку и реализацию стратегий в условиях информатизации общества и появления различных сетевых информационных структур. В данных условиях меняется основной принцип принятия управленческих решений, что способствует осуществлению контроля за ходом разработки и реализации стратегических планов со стороны общественности, а также повышается уровень системности, качества и оперативности стратегий, их оценка и контроль.

4. Региональная школа первостепенно учитывает характерные особенности территории как объекта стратегического планирования. Эти особенности определяют принципы регионального стратегического планирования, добавляя социально-пространственную специфику.

Многие авторы выделяют различные методологические подходы к стратегическому планированию с точки зрения этапов их модернизации.

Псевдопозитивистское функциональное планирование [Готина, Алексеев, 2016] предполагает четкое разделение процессов:

- 1) цели планирования должны принимать органы власти, а также лица, которые принимают важные решения;
- 2) сам процесс планирования, который основан на технической и инструментальной рациональности, реализуют специалисты-планировщики, которые нейтрально относятся к целеполаганию.

Учитывая это, сущность планирования определяется нахождением возможных путей достижения заданных властями целей, которые в ходе планирования не должны подвергаться корректировке.

Рациональное комплексное планирование [Готина, Алексеев, 2016]. Этот подход предполагает, что высококвалифицированные специалисты-планировщики реализуют не только внешнюю постановку целей, но и сами осуществляют процесс целеполагания. В большинстве практических пособий по стратегическому планированию предлагается именно этот подход. Он основывается на анализе проблем, формулировании и операционализации целей, определении критериев с целью принятия решений, оценке и генерации альтернативных сценариев, а также мониторинге полученных результатов.

Планирование на базе прагматического инкрементализма [Готина, Алексеев, 2016].

Этот подход основывается на использовании небольших последовательных шагов при осуществлении процесса планирования. Шаги сами по себе ориентированы на проведение локальных социальных реформ и преобразований, что позволяет снижать риски в ходе принятия управленческих решений. В результате реализации подхода проводится параллельный выбор различных целей для принятия определенных управленческих решений.

Планирование, основанное на социальных коммуникациях и сотрудничестве [Готина, Алексеев, 2016]. Согласно данному подходу все заинтересованные акторы могут добровольно участвовать в процессе стратегического планирования. Особенность данного подхода (также как и прагматического инкрементализма), заключается в его ориентации на решении конкретных текущих проблем, которые не предполагают проведение весомых социальных, экономических и технологических изменений.

Постсовременный модернизм планирования или прагматическая эклектика. Данный вид стратегического планирования является синтезом всех остальных видов

планирования и должен основываться на современных потребностях общества, экономики в условиях динамично развивающегося субъекта в эпоху глобализации.

Ряд учёных-экономистов выделяет инновационное планирование, которое показывает не только эволюцию объекта, но и носит «прорывной» характер на основе нового качества роста рассматриваемого объекта.

На основе проведенных исследований выявлены особенности современных подходов к стратегическому планированию. [Бочко, 2005; Бочко, 2010; Воронина, 2010; Готина, 2016; Гранберг, 2010]

1. Понятийный аппарат стратегического планирования пополнился новыми сущностями, такими как - «социальные коммуникации», «коммуникативная этика». Усилились позиции следующих факторов: «прозрачность», «ценности», «разрешение конфликтов», «интересы».

2. Стратегическое планирование — это процесс разработки стратегического документа через постановку целей и определение критериев управления, анализ достигнутого уровня развития (внутренние факторы) и среды развития (внешние факторы), разработку стратегических идей и проектов, оценку конкурентных преимуществ, выбор сценариев и базовых стратегий развития, расчет потребностей в различных видах ресурсов (финансовые, трудовые и т. д.).

3. Огромная и немаловажная роль в процессе планирования отводится информации. Информационные ресурсы начинают играть не менее важную роль, чем доступ ко всем другим видам ресурсов.

4. Стратегическое планирование в большинстве исследований рассматривается, как сложный циклический процесс, который включает в себя получение, накопление и трансляцию новых знаний об объекте планирования.

5. Целый ряд исследователей признает важность и необходимость включения обучающей компоненты в планировании. В процессе каждого нового цикла стратегического планирования необходимо проводить аудит процессов, предшествующих новому циклу, и использовать накопленные навыки для обучения специалистов, участвующих в разработках стратегий. Учёт ошибок из предыдущих циклов важен для того, чтобы избежать аналогичных ошибок в будущем.

6. Стратегический план рассматривается как совокупность предписаний, моделей, кодексов, норм, представленных в логическом порядке.

7. Стратегическое планирование в современных условиях не только прерогатива органов управления. В процесс планирования все больше вовлекаются стейкхолдеры,

т.е. активные и заинтересованные лица, которые не находятся напрямую в поле зрения субъекта планирования.

8. Учитывается влияние последствий и результатов стратегического планирования не только материальных преобразований, но и различных институтов (законы, правила, нормы).

2.1.Традиционные теоретические подходы

Идея модели «изолированного государства» И. Г. фон Тюнена (1783-1850 гг.) заключается в выявлении пространственных закономерностей размещения сельского хозяйства. В графическом виде модель Тюнена представляет собой систему последовательно сменяющихся друг друга при удалении от рыночного центра концентрических колец использования земель. Основой выделения кольцевых зон послужило сочетание трех факторов размещения производства: расстояние до рынка сбыта, цены на сельскохозяйственную продукцию и земельная рента.

Следующей значимой работой в области теории размещения послужила концепция В. Лаунхардта (1832-1918 гг.). В ее основе лежит нахождение оптимальной точки размещения промышленного предприятия при учете факторов близости к сырью и центру потребления. Так же, как и у Тюнена, определяющую роль играют транспортные издержки.

Впоследствии идеи Лаунхардта были расширены А. Вебером (1868-1958 гг.) и получили развитие в рамках теории промышленного «штандорта». В основе выбора оптимального места размещения лежит принцип наименьших издержек производства с учетом трех основных факторов:

- 1) транспортного (минимизация транспортных издержек. Сюда включены и сырьевые издержки);
- 2) трудового (размещение вблизи районов, обеспечивающих наиболее дешевую рабочую силу);
- 3) агломерационного (использование уже существующей инфраструктуры, налаженной транспортной системы и т. д.).

Теория «центральных мест» В. Кристаллера (1893-1969 гг.) посвящена самоорганизации территориальной структуры общества. Под центральным местом в данной теории понимается крупный город, который обслуживает не только свое население, но и население на прилегающих территориях. В соответствии с теорией центральных мест, зоны сбыта постепенно принимают форму шестиугольников, которые заполняют всю территорию региона и формируют так называемую

«кристаллеровскую решетку» — оптимальную форму в связи с минимизацией расстояния до центрального места.

Развитием теории «центральных мест» занялся А. Лёш (1906-1945 гг.). В своей теории Лёш использует многофакторный подход, рассматривая как сугубо экономические факторы, так и природные, институциональные, и даже психологические. Лёш вводит понятие «конуса спроса»: основание которого — рыночная зона, а его объем — предложение товара. При оптимальном размещении промышленных предприятий рыночные зоны будут пересекаться, образуя опять же гексагональную решетку. Кроме того, Лёш продемонстрировал, что наиболее выгодно размещать производство, основываясь не на принципе минимизации издержек, а на принципе максимизации прибыли.

Теория «полюсов роста» Франсуа Перру (1903-1987 гг.). Под «полюсами роста» понимаются компактно размещенные и динамично развивающиеся отрасли промышленности и отдельные предприятия, которые оказывают влияние на территориальную структуру хозяйства и ее динамическое развитие. В основе лежит идея о концентрации нововведений, которые группируются вокруг лидирующей отрасли в регионе. Если эта отрасль является пропульсивной, другими словами она способна оказывать положительный мультипликационный эффект, то она образует полюс роста. В своей концепции Перру полностью отошел от принципа гомогенности и равномерности развития.

По Ф. Перру отрасли экономической активности можно разделить на пропульсивные, базовые и обслуживающие.

1. Базовые — в них сосредоточено значительное число занятых, на них приходится большая доля в экономике региона, тем не менее, в большинстве своем это зрелые отрасли с низкими темпами роста или его отсутствием.
2. Обслуживающие — необходимы для поддержания социально-экономического развития региона, напрямую связаны с развитием базовых отраслей.
3. Пропульсивные — обладающие неким конкурентным преимуществом, быстро растущие и порождающие цепную реакцию возникновения и роста промышленных центров, способствуя общему быстрому росту экономики региона.

Сейчас существуют два термина: полюс роста (growth pole) и центр роста (growth centre). В основе деления лежит функциональная и географическая принадлежность. Полюс роста представляет собой набор отраслей, а центр роста —

является переложением на географическую плоскость понятия полюс, то есть конкретный центр, город и т. д.

Ф. Перру разработал модель взаимодействия «полюса» и его окружения. В соответствии с ней определяющее значение в развитии хозяйства района имеет правильный обоснованный выбор отраслей или их сочетаний и точек их развития, который обеспечит максимизацию экономического развития региона. Полюс роста образует периферию взаимодействия, формируя экономические районы с ареалами определенной специализации. Транспортные коридоры между полюсами роста образуют оси развития.

В дальнейшем теория «полюсов роста» была расширена с точки зрения территориальной принадлежности французским ученым Ж. Будвилем, который не только сумел привязать ее к конкретному географическому пространству, но предложил региональное толкование полюса роста. Ж. Будвиль «показал, что в качестве полюсов роста можно рассматривать не только совокупности предприятий лидирующих отраслей, но и конкретные территории (населенные пункты), выполняющие в экономике страны или региона функцию источника инноваций и прогресса».

Схожий подход к пространственному развитию применяется в концепции «центр-периферия» Дж. Фридманна. В соответствии с этой концепцией, центр и периферия образуются в результате естественного развития городов, так как концентрация экономической деятельности происходит только в городах. Периферия же выполняет роль источника ресурсов и потребителя инноваций. Существуют также полупериферийные районы — бывшие центральные с устаревающей технологической базой, либо близко расположенные к центру периферийные районы, которые более эффективно взаимодействуют с центром.

Дж. Фридман выделил четыре стадии формирования центров роста: 1) наличие большого числа независимых локальных ядер; 2) появление наиболее мощного ядра (полюса роста); 3) формирование полицентрической структуры; 4) слияние ядер в урбанистическую полизональную структуру с мощной периферией. Ядра при этом являются центрами генерации инноваций и потребителями продукции периферийных районов, которые заимствуют новые технологии и служат источником природных, трудовых и иных ресурсов. Как итог, такая система взаимодействия центра и периферии становится самоподдерживающейся.

В теоретической модели П. Кругмана продемонстрировано, что любое расхождение двух регионов по специализации (промышленность и сельское хозяйство) приводит к образованию описанного выше центр-периферийного взаимодействия. В

свою очередь появление агломераций связано с возрастающей отдачей от масштаба: чем больше размер и концентрация производств, тем большую прибыль получает фирма благодаря экономии на переменных издержках. Кроме того, Кургман предложил новую классификацию факторов размещения. Условно он разделяет их на «факторы первой природы» (обеспеченность природными ресурсами, выгодное экономико-географическое положение) и «факторы второй природы» (агломерационный эффект, развитая инфраструктура, человеческий капитал, институциональные механизмы).

Среди значимых трудов на современном этапе можно отметить и теорию промышленного кластера Майкла Портера, основанная на идее локализации промышленности. Под промышленным кластером понимается сконцентрированная по географическому признаку группа взаимосвязанных компаний, а также поставщиков товаров и услуг, фирм в смежных отраслях и связанных с их деятельностью организаций, конкурирующие, но также и ведущие совместную работу. Конкуренция в одной сфере деятельности ведет к возникновению синергетического эффекта, то есть к росту эффективности совместной деятельности предприятий.

2.2. Понятие пространства в различных подходах к стратегическому планированию

Региональный рост и однородно-абстрактное пространство. Первая большая группа теорий, относящихся к региональной экономике, пытается объяснить, почему рост и экономическое развитие происходят на местном уровне. В этом случае региональная экономика анализирует способность субнациональной системы - региона, провинции, города, района с особыми экономическими особенностями - развивать экономическую деятельность, привлекать ее и создавать условия для долгосрочного развития. Здесь под «региональным экономическим развитием» подразумевается способность местной экономической системы находить и постоянно обновлять конкретную и надлежащую роль в международном разделении труда посредством эффективного и творческого использования ресурсов, которыми она обладает. То есть региональное развитие можно определить как способность региона производить с (сравнительным или абсолютным) преимуществом товары и услуги, востребованные национальной и международной экономической системой, к которой он принадлежит.

Первые теории регионального роста были разработаны в середине прошлого века. Они использовали концепцию пространства — как однородно-абстрактную, уже не физическую и непрерывную, а абстрактную и дискретную — совершенно отличную от физически-метрического пространства теории местоположения. Географическое

пространство было разделено на «регионы», районы ограниченного физико-географического размера (в основном совпадающие с административными единицами), считающиеся внутренне однородными и, следовательно, синтезируемыми в вектор совокупных характеристик социально-экономического-демографического характера: «малые страны» в терминология международной торговли, но, в отличие от стран, характеризующиеся выраженной внешней открытостью для движения факторов производства.

Преимущество этой концепции заключается в том, что она позволяет использовать макроэкономические модели для интерпретации локальных явлений роста. Но хотя эти модели соответствуют вышеупомянутым особенностям, они, тем не менее, и, кажется, неумолимо, требуют, чтобы аналитик исключил любой механизм межрегиональной агломерации, отбросил теорию местоположения, проигнорировал преимущества локальной близости и вместо этого принял неравные ресурсные возможности и факторы производства, неравные условия спроса и межрегиональные различия в производственных структурах как детерминанты местного развития. Пространство, таким образом, является не более чем физическим контейнером развития и играет чисто пассивную роль в экономическом росте, в то время как некоторые макроэкономические теории сводят региональное развитие к простому региональному распределению совокупного национального развития.

Теории, которые принимают этот взгляд на пространство, являются теориями роста, разработанными для объяснения трендов синтетического показателя развития — например, дохода. Хотя этот подход неизбежно влечет за собой потерю качественной информации, его неоспоримым преимуществом является то, что он делает возможным моделирование пути развития. Эти теории резко различаются в своих концепциях роста: есть те, которые рассматривают рост как кратковременное увеличение объема производства и занятости, и другие, которые вместо этого определяют рост как долгосрочное увеличение уровня и качества жизни населения (высокая заработная плата и доходы на душу населения, более выгодные цены на межрегиональном рынке).

Эта концепция пространства была принята неоклассической теорией регионального роста, теорией экспортной базы и теорией межрегиональной торговли, которая развивалась на базе различных отраслей экономики в 1950-х и 1960-х годах.

Локальное развитие и диверсифицированно-реляционное пространство. Хотя теории, разработанные в парадигме однородно-абстрактного пространства, используют термин «пространство» для обозначения территориальных областей, которые считаются внутренне однородными и единообразными, другие теории считают

«пространство» диверсифицированным. Такое изменение подхода позволяет рассматривать экономическую деятельность и факторы производства, спрос и отраслевую структуру как пространственно неоднородные внутри региона, так что территориальные отношения предстают в совершенно новом свете.

Эта новая концепция пространства позволяет идентифицировать сильно различающиеся полярные проявления на территории. Деятельность, ресурсы, экономические и рыночные отношения структурируются вокруг этих различий, создавая кумулятивный процесс территориального агломерирования и цикла развития. Эта концепция пространства восстанавливает один из основополагающих принципов теорий местоположения — агломерационной экономики как источника местного развития — в теории регионального развития. Очевидно, что таким образом рушится любая связь с географическим пространством, абстрактным или административным. Возникает более сложная концепция пространства, основанная на экономических и социальных отношениях, возникающих на территории. Откуда и происходит выражение диверсифицированно-связанного пространства.

Когда пространство воспринимается как «диверсифицированно-реляционное», теории радикально меняются по своей природе. Макроэкономический и макротерриториальный подход сменяется микротерриториальным и микроповеденческим. Происходит отказ от концепции региона как части национальной системы, экономически действующей и реагирующей как единая, внутренне однородная система. На ее место приходят отдельные экономические акторы (крупные или мелкие, государственные или частные, транснациональные или местные), чье поведение изучается с точки зрения выбора места, производительного и инновационного потенциала, конкурентоспособности и отношений с местной системой и остальным миром.

Теории в рамках диверсифицированно-реляционного подхода к пространству отказываются от краткосрочного взгляда на развитие как простого увеличения доходов и занятости, а также индивидуального благосостояния и предполагают более долгосрочную перспективу. Они идентифицируют все материальные и нематериальные элементы в местном районе, которые определяют его долгосрочную конкурентоспособность и позволяют ему поддерживать эту конкурентоспособность в течение долгого времени.

Такие теории стремятся выявить факторы, которые снижают затраты и цены производственных процессов в сравнении с другими локациями. Эти факторы представляют собой:

- 1) экзогенные для местного контекста, которые происходят извне территории и переносятся в нее случайно или преднамеренно;
- 2) эндогенные, которые возникают и развиваются внутри области и позволяют ей инициировать процесс самонаправленного развития.

Экзогенные факторы включают в себя следующее: случайное местное присутствие доминирующей фирмы или транснациональной компании; распространение на территории инноваций, сгенерированных в других местах; и внедрение новой инфраструктуры, принятое внешними властями.

Хотя эти факторы не имеют ничего общего с местными особенностями и производственными возможностями, когда они присутствуют на территории, они могут способствовать акселерации новой экономической деятельности и экономического развития. Эндогенными факторами являются предпринимательская способность и местные ресурсы для производства (труд и капитал); и, в частности, способность принимать решения местных экономических и социальных субъектов, способных контролировать процесс развития, поддерживать его на этапах трансформации и инноваций и обогащать его внешними знаниями и информацией. Влияние всех этих факторов усиливается под воздействием концентрированной территориальной организации, которая генерирует:

- 1) местные процессы приобретения знаний и обучения;
- 2) сети экономических и социальных отношений, которые поддерживают более эффективные и менее дорогостоящие транзакции;
- 3) преимущества экономической и физической близости между экономическими субъектами.

Предположение о диверсифицированном пространстве влечет за собой окончательный отказ от представления о том, что региональное развитие заключается исключительно в распределении ресурсов между регионами. Вместо этого региональное развитие должно восприниматься как основанное на местном производственном потенциале, конкурентоспособности и инновационности. Неоклассическая модель межрегионального роста (модель одного сектора Борта и Штейна) предполагала, что темпы национального роста определяются экзогенно, и что проблема для теории регионального развития заключается в объяснении того, как темпы национального роста распределены между регионами. Согласно этой логике конкурентного развития, рост одного региона может быть только в ущерб росту другого региона, т.е. игра с нулевой суммой.

Такие теории используют концепцию производящего развития, в соответствии с которой национальные темпы роста представляют собой сумму темпов роста,

достигнутых отдельными регионами. Национальное экономическое развитие может значительно возрасти из-за роста, достигнутого определенной территориальной областью, и этот рост может также произойти — при наличии увеличивающейся отдачи (как в случае теорий, обсуждаемых далее) — с теми же ресурсами.

Интерпретация пространства как диверсифицированно-реляционного вернула теории регионального развития одну из ключевых концепций теории местоположения, а именно агломерирование экономики, и сделала ее ядром процессов местного развития. В соответствии с этой концепцией, получившей наиболее широкое распространение в 1970-х и 1980-х годах, пространство создает экономические преимущества благодаря крупномасштабным механизмам синергии и кумулятивной обратной связи, действующим на местном уровне.

Ряд основополагающих теорий начала 1960-х годов впервые рассматривал пространство как диверсифицированно-реляционное. Развитие было определено, по словам Перру, как «избирательный, кумулятивный процесс, который не проявляется одновременно везде, но проявляется в определенных точках пространства с переменной интенсивностью»³. Такое определение Перру подтвердило существование «полюсов», в которых развитие концентрируется из-за синергетических и кумулятивных сил, создаваемых стабильными и устойчивыми локальными территориальными отношениями, возникших из-за физической близости регионов. Пространство, таким образом, воспринимается как разнообразное и «связанное».

Но именно в 1970-х годах исследования процессов развития по принципу «снизу вверх» дали понятию диверсифицированно-реляционного пространства наиболее полную формулировку. Концептуальный скачок заключался в интерпретации пространства как «территории» или, с экономической точки зрения, как системы локализованных технологических внешних факторов: совокупности материальных и нематериальных факторов, которые из-за близости и снижения операционных издержек влияют на производительность и инновационность фирм. Более того, территория рассматривается как система местного управления, которая объединяет местное сообщество, частных акторов и группу местных институтов. Наконец, территория представляет собой систему экономических и социальных отношений, составляющих взаимосвязанный социальный капитал определенного географического пространства.

Таким образом, любая связь с абстрактным или административным пространством явно не принимается во внимание. Вместо этого принят более нематериальный подход к пространству, который подчеркивает — фокусируя внимание

³ Perroux, 1955, p. 308.

на экономических и социальных отношениях между субъектами на территориальной территории — более сложные явления, возникающие в местных экономических системах.

Именно в связи с тем, что теории диверсифицированно-реляционного пространства 1970-х и 1980-х годов рассматривали развитие как в первую очередь зависящее от территориальных внешних факторов в виде экономики географического местоположения и пространственной близости, они особое внимание уделяли (впервые в истории экономической мысли) роли эндогенных условий и местных факторов развития. Эти теории использовали микро-территориальный и микро-поведенческий подход; их можно назвать теориями развития, поскольку их целью было не объяснить совокупные темпы роста доходов и занятости — как в случае вышеупомянутых однородно-абстрактных пространственных теорий — но вместо этого выявить все материальные и нематериальные факторы роста.

В теориях, которые рассматривали пространство как диверсифицированно-реляционное, теория местоположения была неразрывно связана с теорией местного развития. Указывая на то, что концентрация порождает местные преимущества, которые, в свою очередь, стимулируют экономическое развитие и привлекают новые фирмы, присутствие которых еще более повышает преимущества агломерации, эти теории элегантно раскрывают подлинно «пространственную» природу механизма развития.

В этом смысле диверсифицированно-реляционные пространственные теории образуют ядро региональной экономики, сердце дисциплины, где максимальное взаимообогащение между теорией местоположения и теорией развития позволяет анализировать региональное развитие как производящее развитие: темпы национального роста являются суммой темпов роста, достигнутых отдельными регионами, в отличие от конкурентного развития, предусмотренного некоторыми однородно-абстрактными пространственными теориями, где региональное развитие представляет собой не что иное, как простое региональное распределение совокупного национального экономического роста.

Интересная цель этих теорий состоит в том, чтобы объяснить конкурентоспособность территориальных систем, местные детерминанты развития и способность региона достичь и поддерживать свою роль в международном разделении труда. Таким образом, они стремятся определить местные условия, которые позволяют экономической системе достигать и поддерживать высокие темпы развития.

Активная роль пространства в местном развитии: агломерационная экономика.

До семидесятых годов пространство было включено в теории и модели в рамках выполнения двух различных функций: 1) физического барьера — или трения пространства — экономической деятельности, принимающего форму физического расстояния между рынками, концептуализированного в моделях как общая стоимость перевозки; 2) «физического контейнера» развития — простого географического района, часто ассоциируемого с административно-территориальной единицей с помощью совокупных макроэкономических теорий, но также и с небольшими локальными районами. В обоих случаях пространство не играет никакой роли в определении пути развития местной экономики. Та же экономическая логика объясняет развитие регионов, мегаполисов или, в более широком смысле, густонаселенных промышленных зон. Теория экспортной базы может применяться так же хорошо, как к региону, так и к стране, без изменения логики ее основополагающих рассуждений. Модель Харрода-Домара, также как и неоклассические модели роста, соответствуют как региональным, так и национальным случаям, что свидетельствует о ее аспатиальности.

Радикальное изменение в концептуализации пространства, имевшее место в середине семидесятых, придает ему совершенно иную роль в развитии. Пространство уже не является простым «географическим контейнером», оно рассматривается как экономический ресурс, как самостоятельный фактор производства. Это генератор статических и динамических преимуществ для фирм и ключевой фактор конкурентоспособности местной производственной системы. В соответствии с теориями, основанными на этой концепции пространства, пространство является источником растущей отдачи и позитивных внешних эффектов, принимающих форму агломерации и локализации экономики. Более высокие темпы роста достигаются локальными производственными системами, где увеличение отдачи влияет на местную производственную эффективность, сокращая производственные и транзакционные издержки, повышая эффективность факторов производства и увеличивая способность генерировать инновации. Следовательно, региональное развитие зависит от эффективности концентрированной территориальной организации производства, а не от наличия экономических ресурсов или их более эффективного пространственного распределения.

Эта новая концепция пространства имеет несколько последствий. Пространство может быть только разнообразным пространством, в котором легко различить (даже внутри региона) неравномерное распределение видов деятельности. Развитие происходит выборочно в областях, где концентрированная организация производства

оказывает свое положительное влияние на параметры статической и динамической эффективности. В то же время пространство является реляционным в том смысле, что экономические и социальные отношения, возникающие в области, выполняют важнейшие функции в различных проявлениях. Они обеспечивают более плавную работу рыночных механизмов, более эффективные и менее затратные производственные процессы, накопление знаний на местном рынке и более быстрые темпы инноваций — всё это факторы, которые способствуют местному развитию.

Во-вторых, после принятия этого нового подхода к определению пространства больше невозможно рассматривать развитие как имеющее экзогенное происхождение. Развитие сейчас по определению является эндогенным. Оно в корне зависит от концентрированной организации территории, в которую входит социально-экономическая и культурная система, составляющие которых определяют успех местной экономики: предпринимательские способности, факторы местного производства (труд и капитал), навыки взаимоотношений местных субъектов, создание совокупного приобретения знаний — и, кроме того, потенциала для принятия решений, который позволяет местным экономическим и социальным субъектам направлять процесс развития, поддерживать его в процессе изменений и инноваций и обогащать его внешней информацией и знаниями. Теории, основанные на этой концепции пространства, соответственно стремятся идентифицировать генетические локальные условия, которые определяют конкурентоспособность локальной производственной системы и обеспечивают ее постоянство во времени. Они ищут местные факторы, которые позволяют районам и расположенным в них фирмам производить товары, востребованные на международном уровне, с (абсолютным) конкурентным преимуществом, поддерживать это преимущество с течением времени за счет инноваций и привлекать новые ресурсы извне.

Теории местного эндогенного развития делятся на две группы. С одной стороны, неомаршалловский подход, который рассматривает местный рост как результат внешних факторов, влияющих на статическую эффективность фирм, активно расширяется и консолидируется на протяжении уже многих лет. С другой стороны, в неошумпетерианском подходе, появившемся совсем недавно, развитие интерпретируется как результат воздействия внешних факторов на инновационный потенциал фирм.

Логический скачок интерпретации пространства как активного фактора развития был навязан в начале 1970-х годов, когда беспрецедентные паттерны местного развития в Италии удивили теоретиков, не состыковываясь с общепринятыми теориями,

основанными на традиционных моделях. Так, в начале 1970-х годов внезапный и быстрый рост наблюдался в некоторых итальянских регионах — в частности, на северо-востоке и в Центре (отсюда и название «районы СВЦ (NEC)»), в то время как традиционные промышленные районы страны, так называемый «Промышленный треугольник», состоящий из Ломбардии, Лигурии и Пьемонта, демонстрировали явные признаки экономического кризиса. Появление такой ситуации не могло быть объяснено ни неоклассической парадигмой межрегиональной мобильности факторов производства, ни парадигмой, сосредоточенной на эффективности крупных фирм (а-ля Perroux), а также ни кейнсианской парадигмой развития, обусловленной внешним спросом.

Многочисленные неомаршалловские теоретики по всему миру в 1970-х и 1980-х годах проводили очень похожие теоретические исследования: Уолтер Штер разработал концепцию «развития снизу-вверх», Энрико Чичотти и Райнхарт Веттманн — о «местном уникальном потенциале», Бенгт Йоханнисон — о «местном контексте», Бернардо Секки и Джоаккино Гарофоли — о «системных областях», а также Клод Курле-Бернар Пекер и Бернар Ганн — о «локализованной промышленной системе»⁴.

Но первая систематическая теория эндогенного развития была разработана в Италии Джакомо Бекатини с его оригинальным исследованием «маршалловского промышленного района», опубликованным в середине 1970-х годов. Теория промышленного района, — которая впервые получила развитие в исследованиях неоклассического экономиста Альфреда Маршалла — впервые концептуализировала внешние экономические эффекты (агломерации) как источники территориальной конкурентоспособности. Это было сделано в рамках модели, в которой экономические аспекты развития подкрепляются социокультурной системой, которая стимулирует рост отдачи и самоусиливающих механизмов развития.

Эти неомаршалловские исследования, в которых пространство создает и развивает механизмы продуктивной эффективности, породили теории, которые определили территорию как генератор динамичной внешней экономики — то есть все те преимущества, которые способствуют не только продуктивной эффективности фирм, но и их инновационной эффективности. В неошумпетеровском направлении анализа местного развития пространство уменьшает неопределенность, связанную с каждым инновационным процессом⁵.

4 Ciciotti and Wettmann, 1981; Johannisson and Spilling, 1983; Stöhr and Tödtling, 1977; Stöhr, 1990; Secchi, 1974; Garofoli, 1981; Courlet and Pecqueur, 1992; Ganne, 1992. See Vásquez-Barquero, 2002.

5 Неошумпетеровские теории (Aydalot, 1986; Aydalot and Keeble, 1988; Camagni, 1991 and 1999; Ratti et al., 1997; RERU 1991); теории обучающегося региона (Lundvall, 1992; Lundvall and Johnson, 1994; Maskell and Malmberg, 1999; Cooke, 2002). Mouleart and Sekia, 2003.

Наконец, когда пространство рассматривается как создающее преимущества для фирм и, следовательно, как активный компонент в процессе развития, исследователи местного развития переключают свое внимание на роль городского пространства (города) как места, где генерируется экономика агломерации, и, следовательно, как места, где укореняется и структурируется экономическое развитие всего региона. Следовательно, как показывают модели Кристаллера и Лёша, существование развитого и эффективного города и городской системы, организованной в сеть вертикальных и горизонтальных отношений, отражающих эффективное разделение труда, может определять успех и развитие региона.

Региональный рост и многоотраслевое стилизованное пространство. До конца 1980-х гг. различные концепции пространства — однородно-абстрактное и диверсифицированно-реляционное — развивались в региональной экономике обособленно, без какой-либо научной конвергенции.

В 1990-х годах были разработаны более совершенные математические инструменты для анализа качественного поведения динамических нелинейных систем (бифуркации, теории катастроф и теории хаоса) вместе с появлением формализованных экономических моделей, которые отказались от гипотез о постоянной отдаче и совершенной конкуренции. Эти достижения позволили включить агломерационную экономику — стилизованную в форме увеличения прибыли — в модели строго макроэкономического характера⁶.

В частности, речь идет о моделях «новой экономической географии» и эндогенного роста, в которых пространство становится диверсифицированно-стилизованным⁷. Эти теории основывают свою логику на предположении, что производственная деятельность концентрируется вокруг определенных «полюсов» развития, так что уровень и темпы роста доходов диверсифицируются даже в пределах одного и того же региона. Более того, эти модели стилизовали области как точки или абстрактные дихотомии, в которых не играют роли ни физико-географические особенности (например, морфология, физические размеры), ни территориальные (например, система экономических и социальных отношений на местном уровне).

Эти теории достигли значительных успехов и получили признание в академическом сообществе, потому что они продемонстрировали, что территориальные явления могут быть проанализированы с использованием традиционных инструментов

⁶ Barentsen and Nijkamp, 1989; Nijkamp and Reggiani, 1992 and 1993; Reggiani, 2002. Miyao, 1984.

⁷ Теории эндогенного роста — Romer, 1986 and Lucas, 1988; Aghion and Howitt, 1997. Новая экономическая география — Krugman, 1991a, 1991b and 1991c; Krugman and Venables, 1999; Fujita and Thiess, 1996; Nijkamp and Poot, 1998; Martin, 1999.

экономической теории (оптимизация выбора отдельными фирмами и людьми) и что различные концепции пространства могут взаимоинтегрированы. Эти модели фактически рассматривали рост как эндогенный рост, порожденный преимуществами пространственной концентрации деятельности и агломерационной экономикой, типичной для диверсифицированных пространственных теорий. Они противопоставили механизмы динамического роста с увеличением прибыли и транспортных расходов, таким образом, повторяя экономико-локальные процессы, анализируемые теорией местоположения.

Несмотря на диверсификацию (поскольку существуют территориальные полюсы концентрированного развития), пространство в этих моделях стилизовано в точки, лишенные какого-либо территориального измерения. Таким образом, неизбежно отбрасывается концепция пространства как территории, столь любимой региональными экономистами. Это стилизованное пространство не включает ни локализованные технологические экстерналии, ни набор материальных и нематериальных факторов, которые, благодаря близости и сниженным операционным издержкам, влияют на производительность и инновационный потенциал фирм; ни систему экономических и социальных отношений, составляющих реляционный или социальный капитал определенного географического района. Все же это те факторы которые различают территориальные образования на основе специфически локализованных особенностей. Как следствие, эти подходы лишены наиболее интересной и в некотором смысле интригующей интерпретации пространства как дополнительного ресурса для развития и как отдельного фактора производства. Вместо этого преобладающим является прямое, несколько тривиальное представление о пространстве как о просто физическом / географическом контейнере развития.

Таким образом, новая концепция пространства, объясненная в предыдущем параграфе, частично разрешила проблему, от которой всегда страдали теории регионального развития: их неспособность построить формальные модели, которые сочетают в себе конкретные территориальные особенности, такие как внешние факторы и агломерационные эффекты, с макроэкономическими законами и процессами роста. Однако следует отметить, что предположение о стилизованном, а не реляционном пространстве лишает полярности, предусмотренной такими моделями территориального измерения, способными придать пространству — благодаря синергии, сотрудничеству, реляционности и коллективному обучению — активную роль в процессе роста. Введение агломерационных преимуществ в стилизованной форме за счет увеличения отдачи сводит на нет территориальное измерение. И при этом такой

подход лишает эти теории аспекта, имеющего важнейшее значение для региональных экономистов: а именно рассмотрения пространства как системы локализованных технологических внешних факторов, или как совокупности материальных и нематериальных факторов, которые в силу близости и снижения транзакционных затрат влияют на производительность и инновационность фирм. Поиск пути включения территориального измерения в теории, уже способные объединить физически-метрическое, однородно-абстрактное и диверсифицированное пространство, является проблемой, с которой сейчас сталкиваются региональные экономисты (Capello, 2007).

Таким образом, можно сделать вывод, что произошла определенная конвергенция между большими группами обсуждаемых теорий. Теории диверсифицированного пространства, в частности (эндогенного) локального развития, объединяют идеи, выдвинутые теориями развития и местоположения. Диверсифицированные стилизованные пространственные теории (в частности, новая экономическая география) объединяют теории роста и местоположения. Тем не менее, все еще требуется дальнейший шаг вперед, который позволил бы создать подход, сочетающий экономические законы и механизмы, которые объясняют рост, с одной стороны, с территориальными особенностями, проистекающими из внутренней взаимосвязи, существующей на местном уровне, с другой. Такой подход представлял бы максимум взаимообогащения между теорией местоположения, теорией развития и моделями макроэкономического роста. Однако для такого рода мероприятий потребуются анализ переменных, помимо стоимости транспорта, что аннулирует роль территории в процессе развития. Также необходимы переменные, которые дают территории первенство — даже в чисто экономических моделях — среди местных механизмов роста.

2.3. Новые подходы

Можно выделить следующие новые подходы, активно используемые в современных практиках разработки документов стратегического планирования.

Экологическая экономика, устойчивое развитие:

- Экономика «полного мира»;
- Модель Земли или города как космического корабля;
- Эколога-экономическая модель прогресса (пределы замечания труда и капитала, учет «метаболических потоков»);
- Городской метаболизм, экогород;
- Климат-нейтральный, зеленый город.

Человеко-ориентированный (экосистемный) подход:

- Пересмотр индикаторов прогресса;

- Рассмотрение всех возможных видов активов («капиталов»);
- Учет «среды обитания», человеческого масштаба.

Урбанистические подходы

- новый урбанизм;
- транзитно-ориентированное проектирование;
- устойчивый транспорт и развития общественных транспортных систем, использующих обособленные путевые конструкции;
- «компактный город»;
- «полные жизни улицы».

Акцент на эндогенных факторах. За последние два десятилетия в теории регионального экономического развития произошла смена акцентов изучения процессов регионального развития – внешние (экзогенные) причины отошли на второй план одновременно с ростом интереса к развитию территорий ввиду эндогенных или внутренних причин.

Указанные факторы рассматриваются как основные движущие силы регионального экономического развития, которые основываются на накопленных ресурсах и базе знаний в регионе. Так эндогенные факторы включают в себя предпринимательство, инновации, внедрение новых технологий, лидерство, институциональный потенциал и возможности, а также обучение.

Учет эндогенных факторов развития представляет большой интерес для аналитиков и практиков регионального развития по нескольким причинам, включая основные – признание роли регионов в процессе социально-экономического развития, а также внедрение пространственной переменной в теорию экономического роста, которая в большинстве своем игнорируется в неоклассической модели.

Стимсон, Стоу и Робертс (2006) отмечают, что при разработке и реализации региональной стратегии социально-экономического развития зачастую бывает трудно сопоставить желаемые результаты регионального развития с процессами, которые в реальности на них влияют. Этот разрыв в понимании взаимосвязи между очевидными причинами и последствиями развития создает дилемму для тех, кто отвечает за управление региональным экономическим развитием при разработке и реализации государственной политики регионального развития и региональных стратегий развития. Дилемма, с которой сталкиваются органы власти и другие акторы, участвующие в процессе, заключается в том, как достичь соответствия между желаемыми результатами и соответствующими и приемлемыми для данной территории инструментами и механизмами развития. Решение этой проблемы усугубляется зачастую нестабильной и изменяющейся природой внешних факторов, таких как волатильность курса, появление и быстрое развитие новых технологий, усиления международной конкуренции.

Региональное социально-экономическое развитие может рассматриваться как с точки зрения продукта, так и процесса, но зачастую не одними и теми же участниками одновременно. К примеру, экономические агенты, которые живут, работают, инвестируют в регионах более заинтересованы в развитии региона как продукта и получении таких результатов или продуктов экономического развития, как созданные рабочие места и материальные ценности, привлеченные инвестиции, улучшенные качество жизни или уровень жизни и условия рабочей среды.

Напротив, процессный подход к региональному развитию используют региональные экономисты, урбанисты и органы власти (практики) – они концентрируются на развитии инфраструктуры, подготовке рабочей силы, улучшении человеческого капитала для экономики и развитии рынков. В целях системного подхода к развитию региона при организации стратегического планирования необходимо использовать как продуктовый, так и процессный подходы.

Региональное социально-экономическое развитие также характеризуется изменением количественных и качественных параметров. В процессе стратегического планирования должны учитываться подходы к измерению таких количественных параметров, как увеличение/уменьшение уровня благосостояния и объема доходов домохозяйств, количества рабочих мест и уровня безработицы, доступности товаров и услуг, уровня финансовой стабильности. При планировании также должны быть заложены подходы к оценке таких качественных параметров, как обеспечение социальной и финансовой справедливости, обеспечение устойчивого развития, расширение сферы занятости и улучшение качества жизни и самоощущения граждан в регионе. Таким образом, процесс регионального стратегического планирования должен опираться как на количественную, так и на качественную информацию.

Эволюция экономической мысли и ее влияние на региональное развитие и планирование привело к наиболее важным выводам:

1. Во-первых, неспособность неоклассической экономической теории служить основой теории регионального экономического развития.
2. Во-вторых, эволюция кейнсианской теории и политики (и связанных с ней генеральных или мастер-планов с фокусом на развитие инфраструктуры) до монетаризма или экономического рационализма с постановкой целей и задач стратегического планирования.
3. В-третьих, с течением времени происходит смещение акцентов от сравнительного преимущества (comparative advantage) к конкурентному преимуществу (competitive advantage), а в последнее время – все большее внимание уделяется преимуществу на основе кооперации (collaborative advantage) [Vangen, Chris, 2009].

4. В-четвертых, на региональное развитие оказывают процессы глобализации, происходит рост интереса к устойчивому развитию, а также поиск внутренних (эндогенных) региональных источников развития и усиление их влияния на региональное развитие.

5. В-пятых, эволюция «новой теории роста».

Таким образом, традиционные модели роста основывались на таких предпосылках, как:

- максимизации прибыли;
- ресурсоемкое общественное производство и потребление, которое сосредоточено в крупных городах-промышленных центрах;
- энергоемкие технологии, использующие ископаемое топливо;
- централизованные крупномасштабные производственные системы;
- предположение, что человек доминирует над природой, которая рассматривается как безграничный ресурс;
- максимизации социальных выгод.

Новая парадигма устойчивого развития основана на таких предпосылках, как:

- устойчивое долгосрочное развитие;
- сохранение производственных ресурсов с помощью энергоэффективных технологий;
- усиление роли альтернативных источников энергии, развитие переработки и сохранение ресурсов;
- предположение, что человек и природа взаимосвязаны и взаимозависимы, понимание исчерпаемости ресурсов и их частой невозобновимости; сохранение ресурсов является принципом долгосрочного роста.

Таким образом, улучшение регионального развития – это необязательно экономический рост, который обычно определяется с точки зрения изменения параметров и роста валового регионального /внутреннего продукта на душу населения. Кроме того, отсутствие роста – это не то же самое, что отсутствие развития. Сторонники устойчивого развития считают, что развитие должно минимизировать затраты (экономические, социальные и экологические) и снижать влияние негативных внешних эффектов, а также максимизировать выгоды. Это представляет собой сложную проблему компромисса интересов.

Конечно, внешние факторы важны для экономических показателей региона и его развития с течением времени; но все большее значение придается внутренним

процессам как определяющим факторам конкурентоспособности региона. Как бы то ни было, инициативы региональной политики экономического развития в настоящее время, как правило, в большей степени чем раньше ориентированы на меры, которые повышают потенциал на местах и усиливают возможности города или региона для развития и преодоления быстрых изменений в условиях растущей конкуренции в мире.

Концепция «умной специализации» (*smart specialisation*) была создана экспертной группой Европейской комиссии «Знание для роста» (Knowledge for Growth). Целью данной концепции является формирование стратегии инновационного развития регионов, предполагающей наиболее полное раскрытие внутреннего потенциала территории, эффективное использование региональных конкурентных преимуществ. «Умная специализация» является неким синтезом промышленной, инновационной и образовательной политики, то есть политикой инновационного роста, в основе которого лежат драйверы — инновации. основополагающим принципом «умной специализации» является выбор ограниченного количества приоритетных направлений для инвестиций в рамках региона, опираясь на его сильные стороны и сравнительные преимущества.

Важным отличием «умной специализации» от традиционной промышленной политики, даже инновационной — является интерактивный процесс, так называемый «предпринимательский поиск», который заключается в том, что в то время как рынок и частный сектор исследуют возможности новой деятельности, правительство поддерживает основных игроков, в наибольшей степени способных реализовать новый потенциал.

В целом концепция «умной специализации» имеет много общего с кластерной политикой. Прежде всего, они обе концентрируются на повышении производительности и инновациях как основных факторах конкурентоспособности. Во-вторых, уделяется большое внимание регионам в рамках создания возможностей максимально эффективного извлечения выгоды из преимуществ, обусловленных связями между ними.

Тем менее, существуют и большие различия. В рамках концепции «умной специализации» акцент делается на конкретных инновационных ресурсоемких отраслях, в то время как кластеры относятся к более широкому кругу отраслей экономики. «Умная специализация» имеет в своей основе принцип использования межотраслевых связей, которые возникают между видами экономической деятельности и выходят за границы традиционных кластеров. Тем не менее, кластеры играют определяющую роль в развитии «умной специализации». Кластеры во многом являются инструментом развития региона, направленным на укрепление тех сфер, в которых у

региона уже есть закрепленные компетенции и наработаны конкурентные преимущества.

Применение данного инструмента предполагает использование уникальных конкурентных преимуществ региона/крупного городского центра для формирования новых и усиления уже имеющихся специализаций, четко обоснованных и согласованных между разными уровнями управления. Ключевыми преимуществами использования данного инструмента для различных территориальных уровней является ориентация промышленного производства на потребности будущих рынков и технологий, что впоследствии влияет на социально-экономическое развитие территории.

Концепция «умной специализация» играет значимую роль для формирования локально-ориентированной инновационной политики и определяется на основе пяти ключевых принципов:

- Гранулярность. Выбранный принцип определяет элементы экономического развития, на которые ориентирована концепция «умной специализации». Она направлена исключительно на виды деятельности, а не на отдельные отрасли или единицы предпринимательской деятельности (фирмы, предприятия и др.).
- Предпринимательский потенциал. Ключевая задача при написании концепции заключается в исследовании предпринимательской активности по отдельным видам деятельности – бизнес идет туда и тогда, где и когда имеет потенциал для развития. Государство в свою очередь подхватывает этот процесс и расширяет возможности для предпринимателей, способных реализовать выявленный потенциал.
- Стратегическая диверсификация. Сформированный принцип заключается в необходимости учитывать временной фактор в формировании «умной специализации», т.к. отрасли, являющиеся приоритетными на момент принятия решений, через некоторое время достигнут определенного уровня развития и перестанут быть перспективными.
- Инклюзивная стратегия. Умная стратегия должна быть инклюзивной (всеобъемлющей) – должна поддерживать не только динамично развивающиеся виды деятельности/отрасли экономики, но и давать шанс каждой отрасли экономики быть представленной в стратегии отдельными яркими проектами, а не системными изменениями.
- Экспериментирование. Концепция «умной специализации» сама по себе является концепцией экспериментальной природы, то есть документ,

сформированный на ее основе, предусматривает наличие высоких рисков допущения ошибок (не каждая инвестиция окупается, не каждый бизнес успешно реализуется).

Концепция географической и негеографической близости. Усиление международной торговли и повышение мобильности капитала решающим образом влияет на региональное развитие, подчеркивая роль географической близости в динамике экономического развития. Конечно, не географическая близость сама по себе порождает рост, она играет роль в поведении экономических агентов на местах, а также определяет интенсивность связей между ними. Другими словами, географическая близость часто представляет собой необходимые условия для возникновения других позитивных процессов (Rodríguez-Pose and Crescenzi, 2008a) или, аналогично, она обеспечивает условия, способствующие развитию через усиление взаимодействия между экономическими субъектами (Storper, 1995).

Различия в местных социальных, политических и институциональных условиях определяют типы взаимодействий между экономическими агентами на местах, процессы формирования новых знаний и развитие инновационной деятельности (Rodríguez-Pose, 1999). Это приводит к разнице в возможностях по инициированию процессов экономического развития на данной территории. Другими словами, территориальная (географическая) близость и локализация экономических агентов в одном месте не являются достаточным условием для эффективного внедрения импортированных знаний и появления инноваций. Например, Р. Бошма (Boschma, 2005) утверждает, что и другие факторы «близости» между экономическими субъектами также имеют решающее значение для инноваций, в частности противоположная географической когнитивная близость или иными словами – связность. Когнитивная близость обеспечивает фирмы необходимыми условиями для обмена знаниями и делает их экономически полезными друг для друга (Cohen и Levinthal, 1990). Такое измерение близости лежит в основе конкретного и продуктивного обмена неявными знаниями между экономическими агентами, что в конечном итоге положительно влияет на эффективность распространения знаний. Когнитивная близость также способствует развитию инновационных процессов и интерактивному обучению, предоставляя экономическим агентам совместные механизмы и решения для преодоления неопределенности и смягчения проявлений оппортунистического поведения. Социальная близость отражает вовлеченность фирм и работников в неформальные социальные отношения и способствует формированию сетей, основанных на межличностном доверии. Это способствует распространению знаний и обучению в

контексте межличностных коммуникаций, основываясь на доверии и понимании процессов (Granovetter, 1985; Knack и Keefer, 1997; Zak и Knack, 2001; Trigilia, 2001). Наконец, институциональная близость относится к механизмам координации экономики, начиная от нормативно-правовой базы и заканчивая неформальными культурными нормами и правилами, принятыми в обществе. В этом отношении росту экономики и инновационного сектора способствуют прочные институциональные механизмы и общие культурные нормы, которые существенно смягчают механизмы открытого рынка.

Негеографическая близость доказывает влияние ряда иных важных факторов на процесс экономического развития. Эти факторы, как правило, соединяются на местном уровне с учетом конкретных условий той и или иной территории, формируя процессы генерации новых знаний, коллективного обучения и, в конечном итоге, улучшения экономических показателей.

Городские концепции (городской метаболизм, территориально-транспортные концепции, экологическая экономика и т.д.). Вместе с изменением системы ценностей претерпевали изменения и теоретические концепции городского развития. Так, в 1980-х годах в ответ на «разрастание» городов была предложена концепция нового урбанизма^{8,9}, которая оказала большое влияние на градостроительную политику во многих странах мира. Аналогичные идеи были продолжены и конкретизированы в концепциях транзит-ориентированного проектирования¹⁰, пешеходных зон¹¹, городских деревень^{12,13}, а также города, удобного для жизни¹⁴. Основной идеей концепций территориально-транспортного развития 1980-х годов является минимизация отрицательных внешних эффектов, связанных с широким применением личного автотранспорта и «расползанием» городов: это экологическое и шумовое загрязнение, автомобильные пробки, загромождение улиц машинами, а города - парковками и гаражами, ухудшение внешнего вида городской среды, высокие затраты на строительство, ремонт и содержание дорог и т.д.

8 Veras A., Amorim L. New Urbanism: ideals and urban configuration / 5th International Space Syntax Symposium. University of Delft. 2005.

9 Bartz D. Analysis of the congress of new urbanism landscape design principles and social interaction / The University of Texas at Arlington. Dissertation for the Degree of master of landscape architecture. 2006.

10 Calthorpe P. The Next American Metropolis: Ecology, Community, and the American Dream / Princeton Architectural Press. 1993

11 Calthorpe P., Kelbaugh D. The Pedestrian Pocket Book: A New Suburban Design Strategy / New York: Princeton Architectural Press in association with the University of Washington. 1989

12 Aldous T. Urban Villages: A Concept for Creating Mixed-use Urban Developments on a Sustainable Scale / London: Urban Villages Forum. Second edition. 1997.

13 Tait M., Jensen O.B. Traveling ideas, power and place: The cases of urban villages and business improvement districts // International Planning Studies, 2007. №12 (2). Pp. 107-128.

14 Vuchic V.R. Transportation for livable cities / Center for Urban Policy Research (CUPR Press). 1999.

Практически все концепции городского развития 1980-х основаны на идее, что отрицательные внешние эффекты необходимо перевести во внутренние, что возможно только путем активного вмешательства властей. Таким образом, городские власти должны установить новые «правила игры», направленные на поощрение отказа от автомобиля в пользу общественного транспорта, пешеходного и велосипедного движения. Соответственно, необходимо введение платных парковок, ограничений на въезд в центр города, повышение экологических требований к автомобильным выбросам, приоритетное развитие общественного транспорта, включая выделенные полосы движения, организация системы велодорожек и пешеходных зон, создание компактных городов и т.д.

Поэтому, как правило, концепции территориально-транспортного развития 1980-х содержат конкретные правила и однозначные рекомендации, например, убывание плотности застройки по мере удаления от транспортных хабов, полицентризм, запрет парковки на улицах, разделение улиц на тихие (в центре) и автомагистрали с высокой скоростью движения (в обход центра), рост цен на платную парковку по мере приближения к городскому центру и т.п.

Однако в 1990-х акценты смещаются: возникают и получают официальный статус подходы устойчивого развития городов, подразумевающие сочетание социально-экономического и экологического развития, а также «умного» управления. В 1994 году создается Ольборгская Хартия, на базе которой позже, в 2004 году принимаются Ольборгские обязательства¹⁵. Основная идея заключается в создании условий для гармоничного устойчивого развития: это внедрение систем «умного управления», реализация проектов типа «три в одном» - которые одновременно обеспечивают экономический, социальный и экологический эффект (например, создание зеленых общественных транспортных систем или проект сбора и переработки пластиковой тары).

В 2000-х годах получают широкое распространение подходы «зеленых» городов: появляются концепции эконополиса¹⁶, включающего «зеленую» экономику и альтернативную энергетику, углерод-нейтрального города, «климат-нейтрального города», города без мусора, «города без машин» и т.п. Параллельно возникают концепции, направленные на создание экономики знаний: учащийся город, «Город знаний», интеллектуальный город, виртуальный город, информационный город с

15 Согласно материалам «Платформы устойчивого развития городов». URL: <http://www.sustainablecities.eu/the-aalborg-commitments/> (01.11.2019).

16 Downton P. Ecopolis. Architecture and Cities for a Changing Climate / Dordrecht: Springer Science + Business Media B.V., and Collingwood: SIROPUBLISHING. 2009.

повсеместным распространением ИКТ и т.д. Ряд подходов ставят во главу угла креативность — это концепции «креативных городов» Чарльза Лэндри и Ричарда Флориды. Согласно Лэндри, основа городского развития — креативность как местных властей, так и жителей, что и делает город уникальным и процветающим. В 2008 году выходит книга Ричарда Флориды: как утверждает автор, для развития города необходима креативная среда, которая удерживает местные таланты и привлекает креативный класс со всего мира¹⁷.

В 2010-х годах в теоретических подходах к городскому развитию на первом месте уже стоят потребности человека, интересы и мотивы его поступков, а город рассматривается через призму человеческой жизни. Обоснованием концепций выступает не минимизация отрицательных внешних эффектов и перевод их во внутренние, а восприятие человека, система его ценностей, причины и следствия его поступков.

Ян Гейл¹⁸ призывает проектировать город в «человеческом масштабе» — создавать общественные зоны, уделять больше внимания созданию малых архитектурных форм и благоустройству, ограничивать высоту застройки, стимулировать развитие пешеходного и велосипедного движения и т.п. В свою очередь, Э.Л.Глейзер¹⁹ рассматривает город, как место удовлетворения фундаментальных потребностей человека в общении и сотрудничестве с другими людьми: именно эти потребности и должны поддерживаться градостроительными решениями. Соответственно, города должны содержать зоны для общения, досуга и отдыха, зеленые пространства, места для занятий спортом, зоны притяжения, пешеходные и торговые зоны и т.п.

Таким образом, на протяжении последних десятилетий фокус концепций городского развития постепенно смещается: технологический и прагматический подход территориального планирования 1980-х заменяется на устойчивое развитие 1990-х, в 2000-е акцент делается на формирование высокотехнологичных «умных», «зеленых» городов, где процветают креативные решения и развивается «экономика знаний», а в 2010-е на первый план выходит городская среда «человеческого масштаба», где удобно жить, отдыхать, работать, растить детей, заниматься спортом, общаться и совершать покупки. Теоретическое обоснование концепций городского развития также претерпело изменения: от минимизации отрицательных внешних эффектов и перевода их во внутренние в 1980-е, до психологии и потребностей человека в 2010-е.

17 Florida R. Who's your city? How the creative economy is making where to live the most important decision of your life / New York: Basic Books. 2008.

18 Gehl J. Cities for People / Washington: Island Press. 2010.

19 Glaeser E. Triumph of the City: How Our Greatest Invention Makes Us Richer, Smarter, Greener, Healthier, and Happier Paperback / London: The Penguin Press. 2011

Современное стратегическое планирование основано на долгосрочном видении будущего города. Такой подход обеспечивает не только конкурентоспособность местных предприятий на мировом рынке, но и конкурентоспособность города в глобальном масштабе. Стратегия городского развития должна быть основана на выявлении и наращивании уникальных местных активов, и в стимулировании местных предпринимателей путем расширения их возможностей.

Новые подходы в городском пространственном развитии имеют некоторые отличительные черты. Во-первых, они направлены на содействие и стимулирование местного экономического развития, а не контроль и прямое управление городской экономикой. Во-вторых, вместо традиционного «пассивное планирования», которое преимущественно связано с управлением землепользованием, применяется «позитивное планирование», которое ставит целью достижение целевого видения. В-третьих, городское развитие строится на активном сотрудничестве с частным сектором, государственно-частное партнерство, учет мнения населения.

Кроме того, новый подход к городскому стратегическому планированию предполагает использование методов целеполагания, более характерных для частного бизнеса: это повышенный риск, креативность, уникальные решения, изобретательность, продвижение бренда города, маркетинг города в национальном и мировом масштабе и использование категории прибыли в качестве мотивации развития.

Планирование направлено на создание города как привлекательного места для жизни, работы и инвестиций, причем выделяются ресурсы на продвижение и брендинга города. Часто применяется «ребрендинг», чтобы исключить ассоциации с негативными образами, унаследованными городом от индустриальной эпохи. Стратегии городского развития начали включать культурную политику и организацию городских мероприятий, которые традиционно не входили в градостроительную политику.

Таким образом, роль культурного наследия и внешнего вида городской среды была кардинально переосмыслена. Раньше культурная политика была, по существу, социальной услугой, и рассматривалась исключительно как элемент социального обеспечения – для доступа местного населения к художественному и культурному наследию, а внешний вид городской среды также должен был удовлетворять только минимальные потребности горожан (например, здания должны быть отремонтированы). На сегодня культурная политика приобрела статус стратегического инструмента для продвижения и брендинга города, а также для развития городского туризма и диверсификацию местной экономики путем поощрения местной культурной и креативной индустрии. В свою очередь, уникальная, аутентичная, красивая,

оригинальная городская среда должна привлекать в город туристов, международный и национальный бизнес, высококвалифицированных специалистов, а также удерживать местные таланты.

В управлении городом проявляется такой тренд, как фрагментация. Формируются новые виды партнерства между городами и между городскими властями и представителями гражданского общества; все чаще политику пространственного развития формирует широкий круг организаций и их партнерств, а не местные органы власти. При этом местные органы власти выступают в качестве единственного и главного агента для планирования и реализации стратегий пространственного развития, как это было и при традиционной системе планирования. Таким образом, реальная власть по формированию стратегий пространственного развития принадлежит широкой коалиции, в рамках которых городская администрация выполняет только функции организатора и одного из стейкхолдеров, определяющих видение и направления развития. При этом разработка городской политики больше не является иерархическим процессом, возглавляемым мэрией, а представляет собой сложный процесс, включающий формирование коалиции, ведение переговоров и разработку совместного видения. Далее, общие цели планирования должны преобразовываться в отдельные проекты, с комплексным подходом к развитию города.

Таким образом, фрагментация обеспечивает возможность экономической диверсификации, поиска городом своей ниши в региональной, национальной и мировой экономике.

Подводя итоги, можно сказать, что городская политика — это сложная и спорная деятельность, имеющая свою собственную институциональную динамику и исторический путь. В течение последнего десятилетия появились самые разные, иногда частично противоречивые подходы к городской политике, которые признают важность компактных, экологически чистых, разнообразных и пригодных для жизни городов и в большей степени учитывают социальную жизнеспособность. Они подразумевают, что местное самоуправление выполняет важную функцию и что городское планирование представляет собой совместный процесс, основанный на участии стейкхолдеров (заинтересованных сторон). Они также признают, что во многих странах отсутствуют институциональные возможности и ресурсы для достижения официальных стандартов в области жилищного строительства и окружающей среды, и что этот факт лучше признать, а не замалчивать. Таким образом, в настоящее время не существует единого доминирующего подхода к городскому стратегическому планированию, поэтому в каждом конкретном случае необходимо искать свое решение.

3. Сравнительный анализ изученных методик стратегического планирования

Сравнительный анализ основных документов стратегического планирования в России и за рубежом показывает, что российские подходы к стратегированию заметно уступают зарубежным по многим качественным параметрам. Так, ключевой направленностью зарубежных стратегий является человеко-ориентированное развитие, создание среды равных возможностей, в которой каждый житель сможет максимально реализовать свой потенциал. В России — достижение показателей вышестоящих документов, полное соответствие вышестоящим документами и формальным положениям законов. основополагающее различие, являющееся, по сути, некой точкой бифуркации, от которой российские и зарубежные стратегические документы расходятся, — заключается в совершенно различном подходе к пониманию прогресса. В зарубежных стратегиях прогресс — это устойчивое развитие, повышение качества жизни, поддержание жизнеспособности экосистем и создание среды для раскрытия человеческого потенциал, в российских — экономический рост, развитие промышленности и привлечение инвестиций любой ценой. Отсюда и расхождения в наборе показателей, качестве и составе структурных блоков, ключевых инструментах разработке, ее характере и т.д.

Основная направленность стратегий: зарубежные стратегии являются «гуманистическими» (человеко-ориентированными), в центре стратегий - человек, его потребности и возможности для самореализации.

Анализ документов стратегического планирования зарубежных стран показал, что концептуально они объединены вокруг идей, связанных с развитием человеческого потенциала каждого гражданина. На первый план выходит не столько обеспечение экономического роста, сколько создание среды равных возможностей, в которой каждый житель сможет максимально реализовать свой потенциал. Речь часто может идти о качестве жизни, «подлинном человеческом благополучии», «ценности каждой человеческой жизни» и др. В обязательном порядке учитываются все составляющие понятия «качество жизни» (в том числе ценность досуга ("третье место"), качество труда, экосистемные услуги, общественная справедливость и другие традиционно неэкономические аспекты). Развитие экономики и общества, технологическое развитие, улучшение экологии, совершенствование демократических процедур, повышение комфортности городской среды – все это средства для самореализации и качественной плодотворной жизни каждого человека. При этом стратегии, как правило, основаны на

опросах населения, то есть формируются на основе запросов "снизу". В тексте зарубежной «идеальной стратегии» люди видят отражение своей жизни и насущных потребностей.

Российские стратегии являются «ведомственными» («формально-ориентированными»): они направлены на нормативный (формальный) учет положений документов более высокого уровня

Если мы попробуем охарактеризовать основную направленность отечественных стратегий, то на первый план выйдет необходимость соответствия действующему законодательству, включая учет положений документов более высокого уровня. С одной стороны, данный факт не противоречит логике разработки стратегий, которая в числе прочих подразумевает преемственность вышестоящих документов стратегического планирования. С другой стороны, фактически основная направленность стратегий может быть охарактеризована как формальная или ведомственная: подчеркивается соответствие действующему законодательству с точки зрения структуры, декларируются избитые формулировки и призывы из документов, которым стратегия «должна соответствовать» («повышение конкурентоспособности», «экономический рост», «внедрение инноваций», «повышение производительности труда»).

В результате многие региональные и муниципальные стратегии просто транслируют положения вышестоящих документов, причем такой поверхностный подход приводит к ситуации «планирования ради планирования» и потере ориентации на непосредственных бенефициаров стратегий – бизнес и общество. Поскольку стратегии написаны формально, то они не всегда отражают реальные потребности населения: «идеальная стратегия» для многих городских и региональных администраций — это такая стратегия, которая полностью соответствует вышестоящим документам и положениям нормативных актов, например, Методическим рекомендациям Минэкономразвития России.

Миссия (видение, предназначение) и главная цель: в зарубежных стратегиях заложены ценности устойчивого (экологически-ориентированного) развития, которые отражаются в миссии.

Зарубежные стратегии концептуально объединены ценностями устойчивого развития. Речь идет не просто об учете экологического фактора, но и в целом об учете всех ключевых компонент, необходимых для обеспечения устойчивости развития: технологической, градостроительной, институциональной и т.д. Решается оптимизационная задача - обеспечить продвижение по одному или нескольким параметрам, не ухудшив состояние других, учитываются положительные и

отрицательные внешние эффекты от управляющего воздействия, осуществляется движение в сторону предполагаемого равновесия по Парето. Так, например, реализация концепции устойчивого транспорта, в частности создание современных систем скоростного экологически чистого транспорта позволяет одновременно улучшать экономические, пространственные, экологические и иные показатели.

При этом использование в качестве основы для разработки стратегий концепции устойчивого развития является консенсусным подходом, который позволяет максимально учесть интересы всех экономических агентов. Признается, что теория экономического роста является устаревшим базисом для стратегирования, более узко трактующим понятия развития и прогресса. Концепция устойчивого развития позволяет учесть динамику различных видов капитала (природного, человеческого, физического и пр.), делая акцент на создании условий для самореализации личности²⁰.

Устойчивость развития выступает априорным ценностным ориентиром, оно объединяет консолидированное видение и понимание прогресса (какое направление развития является «хорошим» или «плохим»). Видение (миссия, целевое состояние) стратегии, как правило, отражает найденную консолидирующую идею, которая, в свою очередь раскрывает основные направления устойчивого развития ООН, учитывает местную специфику и включает призыв к совместным действиям.

Например, в видении национального уровня делается акцент на основных направлениях устойчивого развития: процветающую низкоуглеродную экономику, инновационное развитие, общество знаний, справедливое и толерантное общество, вовлеченность граждан (общество, в котором все люди берут на себя ответственность) и др. Миссия региональной стратегии в большей степени отражает локальную специфику: в нее включаются те позиции, на которые регион претендует в национальном или мировом масштабе. Регион может первым ставить цели по созданию полностью циркулярной экономики, умного региона, «общества, где у всех есть равные возможности (...) дающее возможность каждому человеку работать и жить по-разному» и др. Видение городского (муниципального) уровня предельно конкретно - речь идет о создании города-лидера, города-примера, города для всех, безопасного города, толерантного города и т.п. При этом в большинстве стратегий неформально; стратегии, в том числе, направлены на создание имиджа и воздействие на чувства и эмоции аудитории.

20 В. Комаров. Стратегия экономического развития: время обновить парадигму? // Экономическая политика. 2015. Т. 10. № 6. С. 24-39

В отечественных стратегиях в качестве основных ценностей «совместного существования», отраженных в миссии, выступают экономические показатели, то есть стратегии являются традиционными

Отечественные стратегии являются «традиционными» (экономическими или отраслевыми), основные цели стратегий направлены на экономический рост, рост уровня жизни, повышение реальных располагаемых доходов населения, создания инновационной экономики и др. Формальный подход к разработке стратегических документов приводит к тому, что миссии региона или города в России зачастую являются банальными и однотипными, их можно отнести к любому городу, региону или даже стране. Глядя на миссию, трудно догадаться, к какому городу или региону она относится, поскольку везде декларируются универсальные формулировки.

Если парадигма устойчивого развития за рубежом фактически является ценностным ориентиром, то в отечественных стратегиях аналогичной ценностью являются достижение высоких темпов экономического роста, развитие промышленности и привлечение инвестиций любой ценой. Создается впечатление, что город или регион рассматриваются по аналогии с крупной корпорацией, а задача властей - обеспечивать экономическую эффективность ее функционирования. Заметим, что управление социально-экономическим развитием региона, которое направлено на максимизацию общественных благ, и корпорацией, которая преследует целью максимизацию прибыли, то есть частных благ, — это принципиально разные подходы.

В российских стратегиях априорно предполагается, что достижение более высоких темпов экономического роста, рост показателей валового продукта является прогрессивным («хорошим», «желательным») и отождествляется с понятиями "развитие" и "прогресс".

Но можно ли подходить к территории как к форме или корпорации с точки зрения оценки ее конкурентоспособности для инвесторов или на первый план должны выходить иные параметры, в том числе субъективная оценка населением решения наиболее острых проблем?

Поскольку изначально в миссии формулировки являются декларативными («рост конкурентоспособности» и т.д.), то содержательно стратегии сводятся во многих случаях к демонстрации инвестиционных намерений властей. Речь идет о крупных инфраструктурных проектах и больших стройках (гигантомании), причем изначально предполагается, что эти проекты экономически эффективны и окажут положительное влияние на темпы экономического роста. При этом невозможно оценить, как реализация данных проектов скажется на качестве жизни конкретных людей, и почему

именно им отдано предпочтение среди других альтернативных вариантов использования бюджетных средств.

Содержательное наполнение стратегий: зарубежные стратегии устойчивого развития органически включают пространственный и градостроительный блоки, то есть ту среду, в которой живет человек.

Отличительная особенность зарубежных стратегий – активное включение пространственных, градостроительных и транспортных аспектов. Такой подход является следствием ориентации на учет в стратегиях основных составляющих качества жизни. Особенно это характерно для городских стратегий, где граница между стратегией устойчивого развития города и планом городского развития может быть достаточно условной: план, как и «классическая» стратегия, могут быть названы устойчивыми и содержать экологический, экономический и социальный блоки. Привязка к местности может осуществляться с помощью системы устойчивого зонирования, определяющей способы использования земли. Число зон может превышать несколько десятков (например, в Ванкувере обозначено около 60 различных зон), для каждой территории возможно изменение типа зоны (ре-зонирование), что позволяет впоследствии выбрать альтернативный путь развития территории.

В зарубежных стратегиях учитываются концептуальные разработки в рамках подходов устойчивого города и устойчивого транспорта (например, новый урбанизм, транзитно-ориентированное развитие, скоростной общественный транспорт,двигающий по обособленным путевым конструкциям, В. Вучика). Речь также может идти о самоощущении человека в городской среде: пространственные аспекты стратегий органически включают идеологию города человеческого масштаба (Яна Гейла), города для пешеходов и велосипедистов, введение режима нулевой терпимости к ДТП и др. Кроме того, в стратегиях учитываются архитектурные и градостроительные компоненты (квартальная застройка, этажность, ширина улиц, общественные пространства, визуальный мусор и т.д.), причем они разрабатываются при активном участии местных сообществ (микроурбанизм, городские эксперименты для учета "проблемы последней мили" и др.).

Зарубежные стратегии также включают блоки по устойчивому транспорту, как городскому, так и магистральному (общественный экологически чистый скоростной транспорт) и в целом по транспортному каркасу, агломерационным эффектам, кластерной политике (например – инновационные кварталы в Бостоне), умную специализацию, межрегиональное сотрудничество для отдельных регионов и многие другие элементы для создания комфортной городской среды.

Пространственные аспекты являются относительно редкими в отечественных городских и региональных стратегиях социально-экономического развития.

Пространственная проблематика является сравнительно редкой для большинства отечественных стратегий и традиционно представлена в схемах территориального развития или генеральных планах, которые в соответствии с градостроительным законодательством и действующими нормами решают другие задачи (в первую очередь, это выполнение норм по обеспеченности нового строительства требуемыми объектами социальной, транспортной и инженерной инфраструктуры). В стратегиях могут включаться разделы с перспективным экономическим районированием, описанием агломераций и транспортных коридоров, размещением инвестиционных площадок, развитием крупнейших инфраструктурных проектов, приоритетных направлениях развития отдельных экономических зон и муниципальных образований и так далее. В ряде стратегий дается описание территориальных кластеров, дается привязка размещения ключевых предприятий отраслей к местности. Однако при этом в российских стратегиях основной акцент сделан именно на развитии экономики, промышленности и инфраструктуры, что отличается от зарубежного подхода -создания комфортной среды обитания человека.

Таким образом, основные различия в подходах к стратегированию можно представить в виде следующей таблицы.

Таблица 2 – Основные отличия в практике стратегирования в России и за рубежом

	Лучшие мировые практики (современная парадигма) Зарубежные стратегии	Отечественные стратегии (традиционные парадигмы)
Ключевая направленность, черты "идеальной стратегии"	Человеко-ориентированное развитие, создание среды равных возможностей, в которой каждый житель сможет максимально реализовать свой потенциал	Достижение показателей вышестоящих документов, полное соответствие вышестоящим документами и формальным положениям законов
Миссия, ценности, «что есть прогресс»	Устойчивое развитие, повышение качества жизни, поддержание жизнеспособности экосистем и создание среды для	Экономический рост, развитие промышленности и привлечение инвестиций любой ценой. Часто миссия универсальна, применима к любому

	раскрытия человеческого потенциала. Миссия преимущественно уникальна, отражает специфику территории и ее роль в национальном и мировом масштабе.	городу, стране или региону.
Роль миссии и видения	Решающая роль видения и консолидирующей миссии как инструмента приближения документа к обществу, демонстрирующего уникальность и обоснованную нишу региона.	Банальности, общие слова, абстрактные понятия, отсутствие конкретных интуитивно понятных мер
Индикаторы	Качество жизни / счастья, альтернативные ВВП индикаторы	Рост объема инвестиций, темпы экономического роста, ВВП на душу населения, продолжительность жизни населения
Понятность	Упорядоченное дерево целей и задач	Избыток стратегических документов, противоречия генпланов и схем территориального планирования стратегиям социально-экономического развития
Структурные блоки	Включают все, что действительно важно для всестороннего устойчивого развития в системе «человек-среда»	Как правило, не уделяется внимание вопросам пространственного развития, экологии, градостроительству, общественному транспорту, благоустройству
Ключевой инструмент разработки	Прямая демократия, оценка альтернативных решений	Ведомственная и экспертная подготовка, транслирование идей вышестоящих документов
Процесс разработки	Проектный, публичный, общественно-ориентированный	Зачатую имитация общественных слушаний, закрытость разработки
Внешний вид стратегического документа	Качественно оформленный документ, есть иллюстрации, графики и диаграммы, широко применяется инфографика, четко понятна целевая аудитория, на которую рассчитана стратегия, есть	Большой трудночитаемый документ, оглавление и иллюстрации могут отсутствовать, навигация затруднена, иногда структура запутанна. Презентация и сокращенная версия часто отсутствуют.

	разделы для населения, бизнеса, инвесторов. Часто есть сокращенная версия.	
Целевая аудитория стратегии, цель создания документа	Население, бизнес, власти, инвесторы, документ выполняет функции коммуникации власти и общества	Для многих стратегий – Правительство России (курирующее и согласующее Минэкономразвития России), важно формальное наличие документа и его соответствие действующему законодательству (в частности, ФЗ №172); документ носит формальный характер
Механизм реализации	Детально прописаны сферы ответственности, в реализацию стратегии включены государственные организации, власти всех уровней, общественные организации, о чем сказано в тексте документа	Может отсутствовать или быть прописанным формально

Примечание – Источник: Центр стратегий регионального развития ИПЭИ РАНХиГС

Мы можем констатировать, что в целом на сегодняшний день система стратегического планирования (за исключением отдельных стратегий (Калининградская область, Республика Крым, города Севастополь и Санкт-Петербург, а также Самарская, Тамбовская и Владимирская области) не соответствует лучшим мировым практикам: те смысловые блоки, которые считаются прогрессивными, выступают необходимыми элементами стратегии за рубежом, в российской практике стратегирования практически не находят отражения. Анализ зарубежного опыта и российской практики позволяет говорить о том, что содержательно отечественные стратегии соответствуют стратегиям развитых стран 1970-1980-х годов, когда на первое место выходило достижение экономических показателей. С ростом качества жизни за рубежом, с достижением определенного уровня доходов на душу населения, люди стали предъявлять больше требований в области экологии, досуга, качества городской среды. Таким образом, произошел постепенный переход от парадигмы экономического роста к понятию устойчивого развития и качества жизни.

Другими словами, на Западе уже давно произошел переход к осознанию ценности каждой человеческой жизни, необходимости создания интегрированного

комплекса условий для самореализации индивидов и достижения "подлинного человеческого благополучия". Поэтому при разработке стратегических документов учитываются мнения как экспертов, так и интересы представителей непрофессионального сообщества, используется механизм прямой демократии.

Вероятно, что в России на национальном уровне рано или поздно также произойдет подобное изменение ценностных ориентиров в развитии территорий, причем во многих регионах изменение ориентиров, по нашему мнению, уже произошло. Таким образом, переход в Российской Федерации к разработке стратегий устойчивого развития, а не социально-экономического – один из способов ускорить данную тенденцию.

4. Систематизация практических рекомендаций для обоснования методологического аппарата в области стратегического планирования в России

На основе анализа зарубежного опыта в области стратегического планирования на различных иерархических уровнях можно выделить следующие ключевые подходы, которые могут быть использованы как рекомендационные для развития института стратегического планирования в России.

1. Смещение фокуса стратегических документов от традиционных экономических ценностей к ценностям устойчивого (экологически-ориентированного) развития.

2. Диагностика должна носить максимально содержательный характер и заканчиваться анализом текущих тенденций, характерных для данного региона, а также анализом возможных альтернативных сценариев будущего. Основной итог диагностики — описание альтернативных сценариев будущего, которые зависят не от внешних неуправляемых факторов, а от управляющего воздействия властей. Должна быть оценка того, что будет, если мы не выберем ту или иную целевую модель развития в качестве идеальной модели. В идеальной стратегии содержится анализ результатов реализации предыдущей стратегии, дана объективная и содержательная оценка, почему те или иные ее положения не были выполнены. Таким образом, по результатам диагностики и анализа сущностных развилки в "идеальной стратегии" мы можем понять специфику и уникальность данного региона, выделить данный регион среди множества других.

3. Использование механизмов прямой демократии. В "идеальной стратегии", как правило, диагностика сопровождается использованием инструментов прямой демократии, когда населению задаются вопросы, предполагающие выбор из нескольких альтернатив и учитывающие отрицательные внешние эффекты для населения при каждом из сценариев. Особенности используемого методологического подхода состоят в следующем:

- в качестве базового предполагался тезис о необходимости решения задач устойчивого развития, а не только обеспечения экономического роста и привлечения инвестиций любой ценой;
- одной из ключевых задач выступало создание такой среды, в которой каждый человек мог бы максимально реализовать свой потенциал, которая бы

способствовала сохранению квалифицированных кадров и молодежи в регионах и муниципалитетах;

- при этом учитывались все сферы, развитие которых действительно волнует людей; в частности, максимально учитывались ключевые аспекты повседневной жизни, той среды, с которой человек непосредственно взаимодействует (общественный транспорт, дворовые территории, общественные пространства и др.).

Стратегии социально-экономического развития города или региона – это пример своеобразного общественного договора относительно общего видения будущего. Сложность разработки любой стратегии состоит том, чтобы максимально учесть видение каждого экономического агента - общества (домохозяйств), бизнеса, власти, интересы которых затрагивают преобразования. Современная стратегия развития не может быть разработана без привлечения всех заинтересованных сторон, причем процесс вовлечения каждой заинтересованной стороны в процесс разработки документа различен.

4. В рамках анализа результатов опросов можно четко проследить исключительно важную тенденцию: население России во многом отвечает идентично населению развитых стран (например, выбирает "пересадочную модель общественного транспорта", которая реализуется во многих городах мира и т.д.). Высказанные тезисы идентичны тем мерам и мероприятиям, которые уже заложены в зарубежных стратегиях развития городов (Лондон, Берлин, Сеул, Майями др.). Учет мнения жителей часто позволяет осуществить более рациональный выбор с точки зрения расходования бюджетных средств, направленный на дальнейшее развитие. Например, жители выбирают расширение системы общественного транспорта вместо строительства или расширения дорог, создания многоуровневых развязок и т. д.

5. Миссия — это не набор банальных общих фраз, абстрактных понятий, а однозначно интерпретируемый, выполняющий решающую консолидирующую роль инструмент приближения документа к обществу, демонстрирующий уникальность и обоснованную нишу региона. Миссия и лежащая в ее основе модель развития должны выражать консолидированную позицию относительно того, что считается прогрессивным жителями для данного региона.

6. Конкретность мер. Не банальные общие фразы, а конкретные понятные каждому человеку меры, отвечающие на вопрос о том, каким именно образом будут сделаны те или иные преобразования. Данные меры могут быть упакованы во

флагманские проекты или проекты с комплексной экологической и социально-экономической эффективностью.

7. Власть не должна быть тормозом перемен, а, наоборот, эффективным механизмом поддержки их введения и реализации.

8. Стратегии не должны решать исключительно федеральную повестку. Истинные проблемы людей могут решаться только в городских стратегиях, иногда в региональных. Стратегия высокого уровня чаще всего носит преимущественно декларативный характер.

9. Место, а не местоположение. Акцент, прежде всего, на качестве и свойствах самого места, а не его расположении относительно других мест. Эти свойства важны не производительным силам, а прежде всего самому человеку, – удобная человеку среда обитания, историческое наследие, благоустройство местности (зеленые зоны, общественные пространства и др.), добротный социум с низкой преступностью и благожелательными традициями, создание пешеходных улиц, реализация политики «нулевой терпимости к ДТП», развитие системы общественного транспорта, велодорожек и др.

10. Органично интегрированные друг в друга пространственный и градостроительные аспекты, то есть акцент на той реальной среде, в которой и живет человек. На данный момент в стратегиях российских регионов могут попадаться разделы с перспективным экономическим районированием, описанием агломераций и транспортных коридоров, размещением инвестиционных площадок, развитием крупнейших инфраструктурных проектов, приоритетных направлениях развития отдельных экономических зон и муниципальных образований и так далее. В ряде стратегий даже дается описание территориальных кластеров, дается привязка размещения ключевых предприятий отраслей к местности. Однако основной акцент в российских стратегиях социально-экономического развития сделан исключительно на развитии экономики, промышленности и инфраструктуры, что в корне отличается от подхода создания комфортной среды обитания человека в западных стратегиях устойчивого развития.

11. Невозможно стратегирование без полномочий. В зарубежных странах местная власть ответственная за всю повестку, в России же совершенная иная картина: даже, если прогрессивные руководители на местах внедряют лучшие практики, у них, как правило, не хватает полномочий.

12. Использование нетривиальных индикаторов для оценки прогресса достижения ключевых стратегических целей (показатели качества жизни и счастья,

альтернативные ВВП индикаторы и др.). Уход от традиционных макроэкономических индикаторов, достижение целевых значений которых часто зависит от общеэкономической конъюнктуры, а не от усилий властей.

13. Стратегия социально-экономического развития — не формальный документ, а основной документ целеполагания. В Стратегии должно быть прописано создание проектных межведомственных команд, что повышает роль министра экономического развития или курирующего вице-губернатора, усиливает роль главы региона или города как руководителя реализации стратегии, приводит к созданию общественных советов при главе региона и др. То есть детальный организационный механизм реализации стратегии свидетельствует о личной заинтересованности главы региона в реализации документа и публичности взятых региональной властью обязательств. В идеальной стратегии представлены не только инвестиционные проекты, но и предложены конкретные меры институционального характера, в том числе изменение нормативно-правовой базы и выход с инициативами на федеральный уровень. В противном случае, если блок по управлению и институциональным преобразованиям не представлен, это чаще всего свидетельствует о формальности стратегии, работе "для галочки".

Выявление факторов выполнения или невыполнения целей и задач стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации в увязке с методологическими подходами к разработке стратегий. Согласно настоящему исследованию методологические подходы к стратегическому планированию внедрялись для разных территорий в зависимости от таких важных параметров, как циклы экономического развития (глобальный контекст), особенности конкретного места и его потребности (местный, локальный, контекст), а также достигнутый уровень социально-экономического развития на данной территории (исторический контекст).

Для выявления факторов выполнения или невыполнения целей и задач стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации имеет место проведение сравнения готовности регионов к тем или иным подходам к стратегическому планированию с иерархической моделью потребностей человека, предложенной А. Маслоу, только применительно к территории. Такая типология факторов социально-экономического развития регионов России была предложена О. В. Кузнецовой²¹ — под базовыми потребностями территории понимаются природно-климатические условия и ресурсы, далее исторически сложившиеся параметры —

21 О.В.Кузнецова. Типология факторов социально-экономического развития регионов России// Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2014.№2. С. 3 –8.

система расселения и демографические характеристики, обеспеченность инфраструктурой, уровень развития и структура экономики, а на вершине пирамиды “субъективные факторы развития”. Таким образом, учитывая такие базовые параметры региональной экономики, как уникальность места и его пути развития, стратегическое планирование для конкретной территории должно строиться с учетом уровня развития тех или иных рассмотренных факторов.

Учет данных факторов возможен только при поведении детальной и тщательной диагностики достигнутого уровня социально-экономического развития (можно также ввести новый термин в региональной экономике - аудит территориального развития). Стратегии социально-экономического развития, которые разработаны на основе недостаточно комплексных и системных данных, полученных на этапе диагностики социально-экономического развития, априори содержат неверную трактовку целей, задач, недостоверные сведения о базовых значениях показателей развития, а также несбалансированный комплекс мероприятий (возможно дублирование предложенных мероприятий с уже реализованными и реализуемым мероприятиями, а также с мероприятиями, эффективность реализации которых не была практически подтверждена). Исходя из данных диагностики также принимается решение о балансе внедрения срочных мер, направленных на устранение проблем развития, и превентивных мероприятий, способствующих снижению проблематики в будущих периодах.

Исходя из проведенного анализа теорий регионального развития, важным методологическим элементом разработки стратегий должен являться выбор приоритетов социально-экономического развития, ведь одновременное развитие всех отраслей экономики и сфер жизни населения одинаково качественно невозможно ввиду ограниченности ресурсов. Особенно приоритизация касается экономического развития – акцент должен быть сделан на приоритетных отраслях, которые уже составляют базу региональной экономики, а также на тех отраслях, развитие которых возможно за счёт трансфера технологий, и межотраслевых взаимодействиях для формирования добавленной стоимости в регионе. Приоритетов не может быть большое количество, 2-3 приоритета могут формировать наиболее дееспособную региональную стратегию. Зачастую стратегии социально-экономического развития регионов России содержат большое количество приоритетов, что усложняет управление экономическим развитием, а также способствует дисперсии ресурсов, направленных на региональное развитие.

Регионы не являются замкнутыми системами, а именно во внешнем контуре региональное развитие формализуется правилами и нормами, принятыми федеральным правительством, во внутреннем контуре регион представляет собой систему муниципальных образований, функционирующих как с учетом федеральной и региональной повестки, так и на основе принятия собственных решений в соответствии с определенными полномочиями. Кроме того, как уже отмечалось, на региональное развитие влияет и глобальная повестка. Учет стратегических целей и задач верхнего и нижнего уровня, а также внешних и внутренних условий при разработке региональных стратегий социально-экономического развития также влияет на качество исполнения документов регионального стратегического планирования.

Следующий важный аспект регионального развития в отличие от отраслевых подходов – комплексность принимаемых решений. Любые изменения как во внешнем, так и внутреннем контуре региональной системы ведут к мультипликативному эффекту во всех сферах. Поэтому стратегии социально-экономического развития должны содержать не только оценку возможностей, угроз и рисков (что в целом достаточно распространенная практика для региональных стратегий в России), но и оценку комплексного вклада наиболее значимых мероприятий стратегии в региональное развитие (прототип оценки регулирующего воздействия), так как сами мероприятия стратегий развития не могут рассматриваться как отдельные элементы. Такой анализ присутствует в ограниченном числе стратегий.

Таким образом, к факторам выполнения или невыполнения целей и задач стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации в увязке с методологическими подходами к разработке стратегий можно отнести:

- Интеграция эколого-ориентированного подхода;
- Значимые проекты с комплексной эффективностью;
- Интеграция человеко-ориентированного подхода;
- Учет региональной компоненты;
- Рост показателей благополучия людей, их внутреннего ощущения личного счастья: экономические характеристики (доход) + внеэкономические (ценность досуга, возможность самореализации, экосистемные услуги, качество труда);
- Учет всего, что действительно важно для людей (экология, градостроительство, безопасность и т.д.);
- Сочетание традиционных и прогрессивных индикаторов (показатели, характеризующие социальную сферу: численность населения, рождаемость, сокращение смертности, сокращение преступности, уровень образования и т.п., экономические показатели: ВРП, уровень занятости, доля населения,

проживающего за чертой бедности; экологические показатели (состояние воздуха, воды, шумовое загрязнение и т.п.); показатели, характеризующие развитие транспортной системы (доля общественного транспорта в трафике, наличие пробок и заторов, длина сети велодорожек и пешеходных маршрутов, внедрение электротранспорта и т.п.); показатели, характеризующие развитие городской среды и жилого фонда (доля парков и скверов в площади города, наличие пешеходных улиц, сохранение аутентичного вида городской среды, доля ветхого и аварийного жилья в жилом фонде и т.п.)).

Заключение

В данной работе приведен анализ методических подходов к разработке документов стратегического планирования в России и за рубежом на разных иерархических уровнях. Было выявлено, что в мировой практике стратегического планирования развития территорий до сих пор нет единой научной школы, которая бы занимала доминирующее положение или бы имела решающее влияние на процесс разработки стратегий. Зачастую каждая научная школа использует собственную методологию, перенося опыт разработки стратегий фирм и предприятий на региональный уровень, что не только сказывается на качестве стратегий, но и не позволяет учесть общественные интересы.

Мировой опыт показывает, что теоретические концепции, лежащие в основе методик стратегирования, существенно различаются, прежде всего, с точки зрения определения базовых понятий и предпосылок. Примерами могут выступать школы, основывающиеся на повышении конкурентоспособности территории и направленные на обеспечение экономического роста, и школы, основывающиеся на приоритетности роста качества жизни населения и обеспечения устойчивого развития в долгосрочной перспективе.

В целом можно заключить, что относительно доминирующие позиции в рамках научного обоснования разработки стратегий занимает концепция «устойчивого развития» и взаимоувязка приоритетов, целей, задач, мероприятий в соответствии с принципами этой концепции. Можно выделить лучшие методологические практики современных стратегий:

1. Гуманистическая среда, в центре – человек (гуманистическая среда, возможности для самореализации, удержание специалистов, человеко-ориентированный подход, взгляд с точки зрения человека и его возможностей для самореализации);
2. Устойчивость развития, поиск видения (активная экологическая политика, зеленая экономика и возобновляемые ресурсы);
3. Показатели качества жизни и личного счастья (расширенный блок индикаторов, характеризующих качество жизни с разных сторон);
4. Конкретность и лаконичность, понятное «дерево» стратегии (уход от диагностики и описания текущего состояния, конкретные, интуитивно понятные обществу меры);
5. Эффект от кооперации и сотрудничества (кластерная политика, умная специализация в отдельных сегментах, флагманские проекты, проектный подход);

6. Пространственный блок (градостроительство) (агломерации, скоростной общественный транспорт, зонирование, город человеческого масштаба, транзитно-ориентированное проектирование, общественные пространства и т.д.);

7. Межрегиональное сотрудничество.

Таким образом, с точки зрения методологических подходов наиболее эффективная стратегия должна включать:

- человеко-ориентированный подход;
- элементы «народной стратегии»;
- проекты с комплексной эффективностью;
- индикаторы реального прогресса;
- анализ всех сфер, важных для «подлинного человеческого благополучия»;
- обучение лиц, принимающих решения.

Разработанные нами рекомендации позволят авторам документов стратегического планирования в России учитывать ключевые особенности международного опыта в данной сфере. Данная работа также может служить как руководство по дальнейшему изучению лучших практик в области разработки стратегий развития различных стран и регионов мира, а также ключевых мегаполисов в развитых странах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Arthur D. Little, The Future of Urban Mobility 2.0. Imperatives to shape extended mobility ecosystems of tomorrow, 2014
- 2 Barca F., McCann P. and Rodríguez-Pose A., 2011. The case for regional development intervention: Place-based versus place-neutral approaches. Working Paper in Economics and Social Sciences No. 15, IMDEA Social Sciences, Madrid.
- 3 Borts G.H. and Stein J.L. (1964), Economic Growth in a Free Market, New York, Columbia University Press
- 4 Boschma R. Smart specialization and regional innovation policy. – Milan: Franco Angeli, 2015.
- 5 Boschma R., 2005. Proximity and innovation: A critical assessment. Regional Studies 39, 61-74.
- 6 Boudeville J. R. Problems of regional economic planning. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1968. – 360 p.
- 7 Brakman S. and van Marrewijk C., 2008. It's a big world after all: On the economic impact of location and distance. Cambridge Journals of Regions, Economy and Society 1, 411-437.
- 8 Calthorpe P., Kelbaugh D., The Pedestrian Pocket Book: A New Suburban Design Strategy / New York. Princeton Architectural Press in association with the University of Washington. 1989
- 9 Calthorpe P., The Next American Metropolis: Ecology, Community, and the American Dream / Princeton Architectural Press. 1993
- 10 Cheshire P. and Gordon I., 1998. Territorial competition: some lessons for policy. The Annals of Regional Science 32, 321-346.
- 11 Dittmar H., Ohland G., The New Transit Town: Best Practices in Transit-Oriented Development / Washington, DC. Island Press. 2004.
- 12 Foray D. From smart specialisation to smart specialisation policy // European Journal of Innovation Management. – 2014. – T. 17. – №. 4. – с. 492-507.
- 13 Fujita M., Krugman P. R., Venables A. The spatial economy: Cities, regions, and international trade. – Cambridge, Massachusetts: MIT press, 2001. – 384 p.
- 14 Grossman G. and Helpman E., 1991a. Endogenous innovation in the theory of growth. The Journal of Economic Perspectives 8, 23-44.
- 15 Hägerstrand T. (1967), "Aspects of the Spatial Structure of Social Communication and the Diffusion of Innovation", Papers of the Regional Science Association, n. 16, pp. 27-42
- 16 Krugman P. (1991b), "Increasing Returns and Economic Geography", Journal of Political Economy, vol. 99, n. 3, pp. 484-499
- 17 Lucas R. (1988), "On the Mechanics of Economic Development", Journal of Monetary Economics, vol. 22, pp. 3-42
- 18 Lundvall B. (ed) 1992. National Systems of Innovation. Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning. London: Pinter.
- 19 Malecki, E. (1991): Technology and Economic Development: The Dynamics of Local, Regional and National Competitiveness, Longman Scientific and Technical, Harlow
- 20 Newman P., Sustainability and cities: extending the metabolism model // Landscape and Urban Planning. 1999. Pp. 219-226
- 21 Perroux, F. (1950): Economic Space: Theory and Application, Journal of Economics, 4, 90-97

- 22 Pike A., Rodríguez-Pose A. and Tomaney J., 2010. Handbook of Local and Regional Development. Routledge.
- 23 Pincetl S., Bunje P., Holmes T., An expanded urban metabolism method: Toward a systems approach for assessing urban energy processes and causes // Landscape and Urban Planning. 2012. № 107. Pp. 193– 202
- 24 Porter M. E. Location, competition, and economic development: Local clusters in a global economy //Economic development quarterly. – 2000. – Vol. 14. –№ 1. – Pp. 15-34.
- 25 Roberts, B.H., Stimson, R.J. (1998): Multi-sectoral Qualitative Analysis: A Tool for Assessing the Competitiveness of Regions and Developing Strategies for Economic Development, Annals of Regional Science, 32, 4, 459–467
- 26 Romer P. M., 1986. Increasing returns and long-run growth. Journal of Political Economy 94, 1002-1037.
- 27 Solow, R.M. (1956): A Contribution to the Theory of Economic Growth, Quarterly Journal of Economics, 70, 65–94
- 28 Stimson, R. J., R. R. Stough, B. H. Roberts, (2006) Regional Economic Development: Analysis and Planning Strategy, Revised Edition., Berlin, Springer
- 29 Stöhr W. (1990), “On the Theory and Practice of Local Development in Europe”, in Stöhr W. (ed.), Global Challenge and Local Responses, Mansell Publisher, London, pp. 35-54
- 30 Storper M., 1995. The resurgence of regional economies, ten years later: The region as a nexus of untraded interdependencies. European Urban and Regional Studies 2, 191-221.
- 31 Storper M., 2005. Society, community and economic development. Studies in Comparative International Development 39, 30-57.
- 32 Tait, M. Jensen, O.B., Traveling ideas, power and place: The cases of urban villages and business improvement districts // International Planning Studies, 2007. №12 (2), Pp. 107-128.
- 33 Thomas, M.D. (1975): Growth Pole Theory, Technological Change and Regional Economic Growth, Papers of the Regional Science Association, 34, 3–25
- 34 Van den Bergh Jeroen C.J.M. (2001). Ecological Economics: Themes, Approaches, and Differences with Environmental Economics // Regional Environmental Change, 2(1), pp. 13-23
- 35 Vangen, S, Huxham, C. (2009). Introducing the theory of collaborative advantage, 163-184/ Osborne, S., (Ed.) 2010.
- 36 Veras A., Amorim L., New Urbanism: ideals and urban configuration / 5th International Space Syntax Symposium. University of Delft. 2005
- 37 Vukan R. Vuchic, Urban Public Transportation Systems and Technology / Prentice-Hall, 1981
- 38 Готина Л.И., Алексеев С.А. Стратегическое планирование в регионе / Казанский научно-исследовательский университет. Казань, 2016. 156 с.
- 39 Гранберг Д.Г., Львов Д.С., Обозов С.А. Стратегическое управление: Регион, город, предприятие. М.: Экономика, 2010. 337 с.
- 40 Комаров В.М. (2015). Стратегия экономического развития: время обновить парадигму? // Экономическая политика, №6, с. 24-39. URL: <http://www.ep.anu.ru/pdf/2015-6/komarov.pdf>. (дата обращения 28.09.2019)
- 41 Ушакова О.А. Развитие стратегического планирования в мировой и российской практике // Вестник ОГУ. 2016. № 6 (167). С. 239–243.

